

Барбара Вайн

Черный мотылек

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637515
Черный мотылек: Роман / Пер. с англ. Л. Сумм: Эксмо;
Москва; 2005
ISBN 5-699-11622-2

Аннотация

Знаменитый писатель Джеральд Кэндлесс умирает от сердечного приступа. Его любящая дочь начинает писать книгу воспоминаний и вскоре выясняет, что ее обожаемый отец – не тот, за кого себя выдавал. Он даже не Джеральд Кэндлесс. Но кто же он? И что за ужасная мрачная тайна заставляла его лгать все эти годы? Только черный мотылек может указать дорогу к правде тому, кто осмелится дойти по этому пути до конца.

Захватывающая детективная история с элементами психологического триллера, неожиданные повороты сюжета, которые держат в напряжении от первой до последней страницы, – роман Барбары Вайн (литературный псевдоним Рут Ренделл) «Черный мотылек» впервые на русском языке.

Содержание

1	6
2	30
3	46
4	63
5	72
6	100
7	126
8	140
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Барбара Вайн

Черный мотылек

Патрику Махеру

Он хотел семью. Он знал это смолоду, с пятнадцати или шестнадцати лет, – уже тогда вглядывался в свои мысли, изучал сердце, а потому внес поправку: он хочет семью, которая добавилась бы к уже существующей. Не только братьев и сестер, но и собственных детей. У его родных появятся племянники и племянницы, у его детей будут любящие братья и сестры. В мечтах ему представлялось, как все они будут жить вместе, в большом доме, более просторном, чем их нынешнее жилье. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать, насколько несбыточна эта мечта.

Позже он понял кое-что другое: мужчины относятся к жизни совсем иначе. За редким исключением. Это женщины мечтают о ребенке, а мужчины снисходят к их желанию. Мужчина думает о рождении сына, чтобы передать ему свое имя, семейное дело. А он хотел детей потому, что ему нравилась большая семья и хотелось, чтобы она стала еще больше. Друзья мало значили в их жизни. Зачем человеку друзья, когда у него есть семья?

Многие из его мыслей и чувств были неуместны для мужчины. Неправильны. Скажем, в той семье, о которой он грезил, должна быть женщина, мать. Он знал правила, знал, как это случится: встретит девушку, полюбит ее, станет ухаживать, обручится и женится. Почему это так сложно? Девушки ему нравились, но «не в таком смысле». «В таком смысле» – это поцелуи, прикосновения и все прочее, о чем бесконечно и однообразно рассуждали одноклассники. Мальчики только и думали о том, как проделать все это с девочками, некоторые похвалялись, что уже сделали это. Но он осознавал, что для него и сам акт, и даже подступы к нему окажутся тяжким испытанием, пыткой и подвигом, словно экзамен по французскому языку, в котором он далеко не силен, или участие в ненавистном кроссе по пересеченной местности.

И он знал уже – как? откуда? – что для него это – не настоящее.

Джеральд Кэндлесс.

«Меньше значит больше»

1

Мы заблуждаемся, говоря о «выразительных глазах». Веки, брови, губы – все черты лица передают состояние чувств, но глаза – лишь цветные стеклянные капли.
«Вестник богов»

– Ни слова моим девочкам, – сказал он по пути из больницы. «Моим девочкам» – словно к ней они не имели никакого отношения. Урсула привыкла – Джеральд всегда говорил так, и дочери действительно принадлежали ему.

– Я этого не слышала, – сказала она. – Тебе предстоит серьезная операция, и ты хочешь скрыть все от взрослых детей?

– «Серьезная операция», – передразнил он. – Точь-в-точь сестра Саманта в сериале про госпиталь. Не хочу, чтобы Сара и Хоуп знали заранее. Они будут переживать за меня.

Не льсти себе, мысленно съязвила она, зная, что несправедлива. Он прав: девочки будут переживать за него, мучиться. Это ее чувства сводились к легкой обеспокоенности.

Он заставил ее дать слово, и она согласилась без

возражений. Ей вовсе не хотелось брать на себя роль горевестника.

Девочки приехали в конце недели – как обычно. Летом они проводили с родителями все выходные, и зимой тоже, если снег не заметал дорогу. О том, что на ланч приглашены Ромни, они забыли. Хоуп скорчила гримасу – ту, что отец называл «большой пастью»: оскалилась, вытянув шею.

– Хорошо, хоть только на ланч, – заметил Джеральд. – Когда я познакомился с этим парнем, то пригласил его на все выходные.

– Он отказался? – Судя по интонации, с какой Сара задала этот вопрос, скорее можно отказаться от бесплатного круиза.

– Нет, он-то не отказался. Но потом я написал ему, предложил остановиться в гостинице и зайти на ланч. Рассмеялись все, кроме Урсулы.

– Он везет с собой жену.

– Боже, папа, их там много? У него еще и дети есть?

– Не знаю, детей я не приглашал. – Джеральд ласково улыбнулся дочерям и добавил не без лукавинки: – Можем поиграть в Игру.

– С ними? О, давай, – подхватила Хоуп. – Мы уже целую вечность не играли в Игру.

Титусу и Джулии Ромни польстило приглашение от

Джеральда Кэндлесса, а если они рассчитывали поселиться в доме и не платить за номер в «Дюнах», то не признавались в этом даже друг другу. Джулия ожидала столкнуться с эксцентричностью, возможно, даже грубостью Кэндлесса – человек-то гениальный, – и для нее приятным сюрпризом стала встреча с гостеприимным хозяином, приветливой, хотя и молчаливой хозяйкой и двумя красивыми молодыми женщинами (как выяснилось, дочери).

Ее супруг – наивный человек – надеялся получить доступ в кабинет, где вершится таинство творения. Он и на подарок рассчитывал, – конечно, не на первое издание, это уж слишком, – но был бы рад любой книге с автографом писателя. И поговорить о литературе: как Кэндлесс пишет, когда пишет, а теперь, завидев дочерей, хотел выяснить, что значит для них быть его дочерьми.

Стоял жаркий солнечный июль, но до начала сезона оставалось еще несколько дней, поэтому Ромни удалось снять комнату в гостинице. Ланч подали в темноватой и прохладной столовой, из окон которой моря не видно. Кэндлессы и не думали беседовать о книгах, они обсуждали погоду, отдыхающих, пляж и мисс Бетти, которая убирала в доме и мыла посуду. Джеральд сказал: мисс Бетти не лучшая помощница по хозяйству, но у нее такая смешная фамилия, за

то и держим. Имелась еще одна мисс Бетти и мать, миссис Бетти, все они жили в небольшом коттедже в Кройде. Новый вид карточной игры – «Несчастливое семейство», сказал он и засмеялся, а вместе с ним и дочери.

Французские окна приемной – так называл Кэндлесс это помещение – выходили в сад с розовыми и лиловыми гардениями, за садом начиналась оконечность мыса, длинный, изогнутый луком берег и море. Джулия спросила, как называется остров, и Сара, поморщившись, ответила: «Ланди». Сразу ясно: только круглый невежда мог задать подобный вопрос. Кофе принесла какая-то женщина, наверное та самая мисс Бетти, Хоуп разливала спиртные напитки. Джеральд и Титус выбрали портвейн, Джулия попросила еще «Мерсо», Сара и Хоуп пили бренди – Сара неразбавленный, Хоуп со льдом.

И тут Джеральд сделал объявление. Джулия терпеть не могла подобных штучек. Разве нормальные люди занимаются подобными глупостями? В наши дни? Взрослые люди? Высокообразованные? Увольте!

– А теперь мы сыграем в Игру, – провозгласил Джеральд. – Посмотрим, насколько вы умны.

– Вот бы найти человека, который сразу разберется что к чему, – сказала Хоуп. – Или нас это взбесит, как

ты думаешь, папа?

– Взбесит, – подтвердила Сара, нежно целуя Джеральда в щеку. Уже не первый поцелуй, но Ромни каждый раз смущенно поеживались.

Отец перехватил ее руку, легонько похлопал:

– Ну, такого еще не бывало, верно?

Джулия поймала взгляд Урсулы. Должно быть, та что-то разглядела в ее глазах – вопрос или страх.

– Я не стану играть, – сказала Урсула. – Мне пора на прогулку.

– По такой жаре?

– Ничего страшного. Днем я всегда выхожу погулять вдоль моря.

Титус, тоже не любитель салонных забав, спросил, как называется эта игра.

– «Несчастливые семейства», о которых вы упоминали?

– Нет, эта игра называется «Передай ножницы», – ответила Сара.

– Какие правила?

– Правило одно: делать как надо.

– То есть мы все что-то делаем, и можно сделать это правильно, а можно неправильно?

Сара кивнула.

– А как узнать, правильно или нет?

– Мы вам скажем.

Хоуп достала ножницы из ящика высокого комода. Когда-то в ход шли кухонные и портновские ножницы Урсулы, даже маникюрные – любые, какие под руку попадутся. Но Игра и все ее принадлежности доставляли игрокам столько радости, что еще в те времена, когда девочки были маленькими и жили дома, Джеральд приобрел викторианские ножницы с кольцами в виде серебряных птиц и острыми кончиками. Эти самые ножницы Хоуп протянула отцу, чтобы тот начал Игру.

Подавшись вперед в кресле – он сидел спиной к окну, – широко расставив ноги, Джеральд раскрыл ножницы так, что лезвия образовали прямой угол. На губах его играла улыбка. Это был крупный мужчина, чью шевелюру журналисты сравнивали с львиной гривой. Но курчавая грива уже поседела, приобрела оттенок металлической стружки. Руки большие, пальцы длинные. Он протянул ножницы Джулии Ромни, промолвив:

– Я передаю ножницы раскрытыми.

Джулия протянула ножницы Хоуп в том виде, в каком их получила:

– Я передаю раскрытыми.

– Неправильно. – Хоуп закрыла ножницы, перевернула остриями вверх и вложила в подставленную ладонь Титуса Ромни:

– Я передаю ножницы закрытыми.

Титус повторил ее движения и передал ножницы Саре. Оглянувшись на Джеральда, он заявил, что передает ножницы закрытыми.

– Неправильно. – Сара раскрыла ножницы и передала отцу, держа за одно лезвие. – Я передаю ножницы закрытыми, папа.

В глазах Джулии мелькнул проблеск догадки – она поняла или ей показалось, будто она поняла. Выпрямившись, она дважды повернула ножницы против часовой стрелки, передала их Хоуп и сказала, что передает закрытыми.

– Да-да, – подтвердила Хоуп. – А почему?

Ответа Джулия не знала. Сказала по наитию:

– Но ведь они закрыты, верно?

– Только поэтому? Вы должны передать их закрытыми и знать почему, чтобы все это видели. Когда знаешь, в чем дело, это проще простого, честное слово. – Хоуп раскрыла ножницы. – Я передаю ножницы раскрытыми.

Так продолжалось около получаса. Титус Ромни спросил, удалось ли новичкам разобраться в игре, и Джеральд сказал: да, конечно, но не с первого раза. Джонатана Артура осенило уже на второй раз. Услышав имя лауреата премии Джона Ллевелина Риса и Сомерсета Мозма, Титус пообещал удвоить усердие.

Сара добавила в стакан бренди и спросила, кому еще долить:

– Портвейн, папа?

– Не стоит, дорогая. Голова разболится. Налей лучше Титусу.

Сара обслужила гостей и присела на подлокотник отцовского кресла.

– Я передаю ножницы раскрытыми.

– Но почему? – В голосе Джулии прорвалось раздражение, лицо покраснело. Кэндлессы, дожидавшиеся первых признаков капитуляции, торжествующе переглядывались. – Как же так? Ты только что передавала их закрытыми. Что изменилось?!

– Я же говорила, с первого раза не угадаешь, – напомнила Хоуп, слегка зевнув. – Я передаю ножницы закрытыми.

– Ты всегда передаешь закрытыми!

– Правда? Ладно, в следующий раз передам раскрытыми.

В тот момент, когда Титус, раскрыв ножницы, старательно поворачивал их по часовой стрелке, в открытую стеклянную дверь гостиной вошла Урсула. Одной рукой она придерживала выбившиеся из заколок длинные волосы, тонкие, светлые от седины. Заметив ее улыбку, Титус решил, что сейчас хозяйка скажет что-нибудь вроде «Все еще играете?» или «Так и не

разгадали секрет?», но она молча прошла через комнату и скрылась за дверью, ведущей в холл.

Оглядев собравшихся, Джеральд предложил:
– Хватит на сегодня.

По смеху девушек – Сара изгибалась, заглядывая отцу в глаза, чтобы смеяться с ним в унисон, – Титус сообразил, что этой фразой, произнесенной несколько помпезно, Джеральд всегда заканчивал Игру. Вероятно, обязательным считалось и заключительное пожелание:

– В следующий раз повезет.

Джеральд поднялся на ноги. Титусу померещилось – без всяких на то оснований, разумеется, – что старика («Великий Старец», называл он его про себя) потревожило возвращение жены, а потому Игра уже не доставляла ему удовольствия. Что-то его беспокоило. С лица сошел румянец, оно стало почти таким же серовато-белым, как волосы. Сара – та из дочерей, что лицом больше напоминала мать, – тоже заметила перемену. Бросив взгляд на сестру, внешне похожую на отца, она спросила тревожно:

– Папа, ты здоров?

– Вполне. – Grimаса на его лице адресовалась содержимому стакана, к дочери Кэндлесс обернулся с улыбкой. – Не нравится мне портвейн, никогда его не любил. Лучше бы выпил бренди.

– Я налью тебе бренди, – вызвалась Хоуп.

– Не стоит. – И он сделал жест, который ни разу на глазах Титуса взрослый мужчина не позволял себе по отношению к взрослой женщине, – вытянул руку и погладил дочь по голове. – Мы разбили их наголову, дорогая. В пух и прах.

– Как всегда.

– А теперь, – с озорной усмешкой в глазах он обернулся к Титусу, – пока вы еще не ушли, хотите посмотреть, где я работаю?

Кабинет. Интересно, эта комната называется кабинетом или нет? Здесь написаны его книги, во всяком случае большинство из них. Жарко, душновато. Из окон видно море, то есть большая часть длинного и плоского, в полмили шириной побережья, волны почти неразличимы вдали. Небо и море сливаются в размытой дымке. Большое окно закрыто, но черные шторы раздвинуты, открывая доступ солнцу – письменный стол, кресло, книги перед столом и позади стола купаются в его лучах. Джеральд Кэндлесс печатал на машинке, а не компьютере. В ониксовом стаканчике дожидались ручки и карандаши.

Слева от машинки – гранки нового романа. Справа – рукопись в дюйм толщиной. Полки до самого потолка заполнены книгами – словари, энциклопедии, разные справочники, поэзия, биографии, романы – сот-

ни романов, в том числе самого Джеральда Кэндлесса. Кожаные и матерчатые переплеты радужно переливались на солнце.

– Как вы себя чувствуете?

Лицо Джеральда вновь посерело, скрюченные пальцы правой руки крепко обхватили предплечье левой. Титус невольно повторил вопрос, заданный отцу Сарой, но Джеральд не отвечал. Похоже, этот человек предпочитает промолчать, если не может сказать ничего определенного. Не станет вести светскую беседу, отвечать на вежливые расспросы о здоровье.

– Вас так и зовут – Титус?

Внезапный вопрос удивил его:

– Что?

– Не знал, что у вас проблемы со слухом. Я спрашиваю: Титус – ваше настоящее имя?

– Конечно.

– Похоже на псевдоним. Не стоит обижаться. На самом деле, далеко не каждый носит свое подлинное имя. Оглянитесь по сторонам. Выбирайте не спеша. Найдете книгу – я вам ее подпишу. Только не первое издание, это уж слишком.

Титус пытался высмотреть свою собственную книгу. Но здесь ее не было – на глаза не попадалась. Он стоял перед рядами книг, принадлежащих перу Джеральда Кэндлесса, гадая, какую лучше взять, и нако-

нец достал с полки «Гамадриаду».

– Вы читаете по-фински?

Титус слишком поздно обнаружил, что потянулся к стеллажу с переводами, и хотел сделать вторую попытку, но Кэндлесс опередил его – вытащил тот же роман, изданный Книжным клубом, и расписался на форзаце. Только имя, без обращения, без добрых пожеланий. Солнечный луч упал на крупные кисти писателя – они если и не дрожали, то и не лежали спокойно.

– Итак, вы откушали ланч, посмотрели мой кабинет и получили роман. Теперь вы должны сделать кое-что для меня. Одно доброе дело в обмен на другое – вернее, даже на три добрых дела. Справедливо?

Он ожидал услышать подтверждение. Титус с готовностью закивал:

– Все, что в моих силах.

– О, это вам по плечу. С этим всякий справился бы. Видите эти бумаги?

– Гранки?

– Нет, не гранки. Рукопись. Заберите ее с собой. Просто унесите отсюда? и все. Можете это для меня сделать?

– Что это такое?

Джеральд Кэндлесс уклонился от прямого ответа:

– Я уезжаю на несколько дней. Не хочу оставлять

бумаги в доме, пока меня не будет. Уничтожать тоже не собираюсь. Может, однажды я это опубликую – закончу и опубликую. Если достанет отваги.

– Это ваша автобиография?

– Конечно, – с едкой усмешкой подтвердил Джеральд. – Я даже имен не менял. – И тут же добавил: – Это роман, то ли начало, то ли конец, пока не знаю. И «он» здесь – не он, и «она» – не она, «они» – не они. Ясно? Главное, чтобы рукопись не валялась тут без меня. Пригласив вас сюда, после того как мы познакомились в как-бишь-его...

– В Хэй-он-Вай.

– Именно. Пригласив вас, я подумал – вот кого надо попросить. Кого же еще?

– Хотелось бы знать, почему вы не положите рукопись в банк на хранение?

– Вам хотелось бы знать, вот как? Если не можете взять рукопись и хранить, как я вас прошу, скажите сразу. Поручу ее мисс Бетти или сожгу. Пожалуй, правильнее всего будет сжечь.

– Бога ради, и не думайте! – всполошился Титус. – Я возьму ее на хранение. Как ее потом вернуть? И когда?

Джеральд собрал страницы, подержал стопку на весу. Под бумагами на столе лежал заранее подготовленный бандерольный конверт с адресом Джеральда

Кэндлесса, Ланди-Вью-Хаус, Гонтон, Северный Девон, с маркой за полтора фунта.

– Вы хотите... хотите, чтобы я... вы не против, если я... прочту?

Громкий хохот, который приветствовал эту просьбу, этот здоровый утробный рев так не вязался с подрагивающими руками:

– Придется повозиться. Я печатаю отвратительно. Можете упаковать в это.

«Это» оказалось дешевой пластиковой папкой, в каких на конференциях раздают брошюры и расписание. Титус Ромни охотней умер бы, чем показался с такой папкой на людях. К счастью, нести недалеко – только до отеля. Джулия дожидалась мужа в гостиной, без особого успеха поддерживая беседу с женой Джеральда. Имя ее Титус успел позабыть и вспоминать не собирался – половина четвертого, им так и так пора уходить. Дочери куда-то исчезли.

– Я провожу вас до гостиницы, – предложил Джеральд. – Мне велено гулять каждый день. Понемногу.

Джулия изливалась в благодарностях – как всегда, когда уже не чаяла вырваться из гостей:

– До свидания, большое вам спасибо, все было просто прекрасно. Чудесный ланч.

– Отдохните хорошенько, – пожелала ей жена Джеральда.

Они прошли через сад. Титус прижимал к себе папку, Джулия бросала на него любопытные взгляды. Сад заканчивался ярдах в десяти от оконечности мыса, дальше через ворота можно было выйти на тропинку, с которой открывался вид на весь берег и парковку, забитую машинами и трейлерами. На пляжелюдно, многие уже купаются. Джулия где-то наткнулась на описание этого пляжа – дескать, лучшее место английского побережья, самый длинный пляж, семь миль протяженностью, чистейший песок. Безопасный к тому же – отлив отступал от берега на полмили, а потом неторопливо, кротко возвращался на плоское, почти без выступов, песчаное дно. Не море, а мелкое, теплое озеро. Спокойное, без волн, насыщенно синее, как сапфир.

– Наверное, вы очень любите эти места, – попыталась подольститься к писателю Джулия.

Тот не ответил. Титус спросил, не утомляет ли его прогулка. Судя по словам Джеральда, ему не слишком нравилось это занятие.

– Я вообще не люблю физические нагрузки. Только сумасшедшим нравится ходить пешком. Разумные люди изобрели автомобиль.

К тропинке выходили ворота с надписью «Отель «Дюны». Вход только для постояльцев». Джеральд отворил ворота и отступил в сторону, пропуская Джу-

лию. Гостиница из красного кирпича, с белыми оконными рамами, с множеством флигелей, построенная в эдвардианском стиле, тянулась чуть выше по склону холма у них над головой. За столиками уже пили чай. В бассейне, полускрытом плетеной изгородью, плескались дети.

– Как дети поживают?

– У нас их нет, – ответила Джулия.

– В самом деле? Почему?

– Не знаю. – Вопрос ее ошаршил. Разве об этом спрашивают? – Я... я, пожалуй, не хочу ребенка.

Еще одни ворота – и они вышли на широкую лужайку.

– Не собираетесь иметь ребенка? – переспросил Джеральд. – Это противоестественно. Вы должны передумать, пока не поздно. Вы же не боитесь рожать? У женщин это бывает. Дети – венец творения. Источник всего нашего счастья. Высшая награда для человека. Можете мне поверить. Вот мы и вышли к людям.

Джулия обозлилась настолько, что чуть не нагрубила великому человеку. Она оглянулась на мужа – Титус отвел глаза. Она снова обернулась к Джеральду, собираясь молча пожать ему руку на прощание, развернуться и уйти в номер. Нехотя протянула руку, но Джеральд не принял ее. На этот раз причиной странного поведения была не «эксцентричность», а

что-то другое: Кэндлесс во все глаза смотрел вверх, на террасу гостиницы. Его лицо выражало изумление, если не ужас. Взгляд немигающий, застывший. Джулия проследила за его взглядом.

Ничего особенного. Какие-то пожилые люди собрались на террасе. Еще вчера Джулия обратила внимание на них: не плавают, не гуляют, не смеют спуститься с утеса – обратно-то не залезть. Старики сидели под зонтиками, под голубыми в белую полоску навесами, пары, приближающиеся к золотой свадьбе, дедушки и бабушки, умиротворенные и малоподвижные.

– Кто-то знакомый? – поинтересовался Титус.

Джеральд походил на спящего, на сбитого с толку лунатика, который слепо нащупывает дорогу. Но этот вопрос разрушил чары, прервал сон. Джеральд провел рукой по высокому морщинистому лбу, запустил пальцы в густую шевелюру.

– Ошибся, – пробормотал он. Опустил руку, попрощался как следует, улыбаясь все так же – только красным хищным ртом, а не глазами. Глаза были мертвые.

Супруги не стали смотреть ему вслед. Не оглянулись, не помахали, быстрым шагом пересекая террасу, чтобы войти в гостиницу через распахнутые стеклянные двери холла. Джулия на миг приостановилась, оглядела старичков за столиками. Как много они курят! У каждого сигарета во рту, переполненные пе-

пельницы, чайники и чашки с чаем, пирожные на тарелках, колоды карт – все под рукой, кроме солнечных очков или крема для загара. Они не выходят на солнце. Какая-то женщина приводила в порядок лицо, смотрелась в зеркальце раскрытой пудреницы, рисовала на сморщенном старом ротике розовые губы.

Ни одного интересного лица. Кто мог привлечь внимание писателя? Аффектация, подумала она, игра на публику, – и проследовала за Титусом в прохладный сумрачный холл.

Сара и Хоуп проводили вечер вне дома. Хоуп уже определилась: барбекю на пляже, неподалеку от дома. Сара, едва гости вышли, бросилась к телефону и договорилась встретиться со своей компанией в пабе Барнстеpla. Субботним вечером они не остались бы дома и ради отца. Пообщаться со старыми друзьями, одноклассниками, знакомыми знакомых – святой долг.

– Постельку постели и свет оставь, – процитировала мисс Бетти на кухне. – И к ночи меня не жди, птичка моя. Старые песни правду говорят.

Взяв с подноса стакан Титуса Ромни, она допила остатки портвейна. Так она всегда поступала, когда у хозяев бывали гости. Как-то раз совсем захмелела, перепробовав содержимое пятнадцати бокалов с

шампанским, и Урсуле пришлось отвезти ее домой. А в честь чего пили шампанское? Этого и Урсула не помнила. Мисс Бетти, которую Урсула давно уже называла Дафной, а она ее – Урсулой, выцедила капельку бренди и принялась выгружать из раковины первую партию посуды.

– Птичка моя, прощай! – напевала она.

Познания Дафны в популярных мелодиях последних шестидесяти лет не переставали изумлять Урсулу. Кэндлесса пленяло имя прислуги, Урсулу – этот неисчерпаемый поток знаний. Она прошла в гостиную и застала Джеральда у распахнутого окна, хотя стоял он почему-то спиной к нему. Вернувшись из отеля, он не промолвил ни слова, на лице появилось давно знакомое отчужденное выражение. На этот раз ей показалось, Джеральд отдалился больше прежнего, словно перешел через реку и попал в другую страну. Взгляд его был пуст и слеп, он смотрел на жену не узнавая.

Каждый раз, в субботу вечером, когда девочки совершали свои вылазки, Джеральд буквально умирал от тревоги. Он воображал, будто Урсула не замечает его переживаний, хотя, конечно же, она все видела. В Лондоне, где жили теперь его девочки, они, должно быть, каждую ночь засиживаются где-нибудь допоздна, однако по этому поводу Джеральд ничуть не вол-

новался. Он не думал об этом, и уж тем более не просыпался посреди ночи, гадая, спит ли уже Хоуп спокойно в своей кроватке в Кроуч-энде и вернулась ли Сара в свою квартиру в Кентиш-тауне. Но здесь, стоило им выйти за дверь, Джеральд даже для видимости не укладывался в постель. Он сидел в темноте кабинета, дожидаясь шороха шин на дорожке, скрежета ключа в замочной скважине, а потом второй раз – шороха шин и скрежета ключа.

Тридцать лет они спали отдельно, еще с тех пор, когда жили в другом доме, но Урсула знала все наверняка. Все ее внимание по-прежнему сосредотачивалось на Джеральде – словно на уродце, говорила она себе порой, на калеке. Испуганный и озадаченный взгляд жены приковывался к его лицу, мысли постоянно возвращались к мужу. По каким признакам она судила, где он сейчас – в спальне или в кабинете? Свет не пробивался, не доносилось ни звука. Полы сплошь устланы коврами, двери надежно подогнаны. Их спальни находились в разных концах дома. И все же Урсула знала, что он еще не ложился, как знала о том, что девочки еще не вернулись. Первая машина, подъезжая к дому, будила ее – Урсула никогда не проваливалась глубоко в сон. Сара уже дома, за ней и Хоуп – или в обратной последовательности, как случится. Ее это успокаивало, как и Джеральда. Но

девочки возвращались не раньше полуночи, зачастую намного позже.

Дочерям не полагается знать, что отец бодрствует в ожидании. Он не включал свет в кабинете, чтобы они не догадались. Не надо им знать, что он за них переживает, что у него плохое сердце, что в среду больное сердце попытаются отремонтировать. Пусть остаются веселыми и беззаботными, как в детстве, когда родители казались бессмертными. Каково им будет, если он умрет на операционном столе? Бездна развернется у них под ногами, подумала Урсула. Выключила свет и уснула.

Она не слышала, как подъехала первая машина, но скрип двери в комнате Хоуп разбудил ее. Потом примчалась Сара, слишком быстро и шумно – должно быть, переборщила с выпивкой. Когда-нибудь дорожный патруль арестует ее за превышение скорости, и если газетчики прослышат и сообразят, чья она дочь, выйдет скандал. Дверца автомобиля лязгнула, дверь дома захлопнулась с грохотом. В порядке компенсации по лестнице Сара кралась на цыпочках.

Джеральд тоже старался передвигаться бесшумно, однако он был крупным и грузным и слегка покачивался на ходу. Если девочки и слышали его шаги, то решили, что отец пошел в туалет. Урсула прислушалась, но больше никаких звуков не доносилось. Она

задремала, наверное, но точно потом не могла припомнить – запомнились только тишина и покой, а когда она снова включила свет, часы показывали ровно половину второго. Прилив достигал пика в час пятьдесят. Впрочем, безветренной летней ночью, когда море спокойное, прилив почти незаметен. Гости завидовали: приятно, должно быть, слушать ночью шум моря, но она его никогда не различала. Слишком высоко поднимается утес – тихое, неглубокое море осталось далеко внизу.

Днем он пережил какое-то потрясение. Эта мысль вырвала Урсулу из сна. Или это, или что-то другое разбудило ее. Может, ей приснился Джеральд – такое тоже случилось. Она припомнила, что вечером он казался оцепеневшим, пристально смотрел в пустоту. Пошел провожать в отель этих Ромни, а там что-то стряслось. Что-то или кого-то увидел, что-то неприятное сказали ему. Любое потрясение Джеральду противопоказано, все так же смутно подумала она и села на постели, включив свет. Четыре часа. Значит, все же уснула. Близится утро, тонкая серая полоса света проступила из-под занавесок.

И тут она услышала его. Наверное, эти звуки он издавал и раньше – вот что ее разбудило. Ночная рубашка была слишком тонкой, с узкими бретельками. Урсула накинула сверху халат, собрала длинные во-

лосы узлом и заколола двумя шпильками.

Ни разу в жизни она не заходила к мужу в спальню. В этом доме – ни разу. Даже не знала, как обставлена эта комната. Дафна Бетти прибиралась здесь, меняла постель, напевая поп, или рок, или кантри.

– Джеральд? – окликнула Урсула.

Задыхаясь, он втягивал в себя воздух. Вот что означали эти звуки. Урсула отворила дверь. Занавески раздвинуты, по бледному небу плывет бледная луна. Совсем светло. Джеральд сидит на односпальной кровати, лицо розовое, весь в поту.

– Джеральд! – повторила она.

Он попытался ответить. Урсула поняла – это приступ, поискала глазами лекарство – глицерил тринитрат. Где оно? Прикроватная тумбочка пуста. Когда она подошла вплотную к кровати, муж внезапно запрокинул голову и взревел – словно животное, словно загнанный бык. Этот рев исторгся из глубины его глотки, из самой груди, из рвущегося сердца. Отголоски вопля замерли, Джеральд с силой забил в грудь кулаками, потом яростно вскинул руки – лицо его наливалось кровью и стремительно багровело.

Урсула попыталась схватить его за руки – забыть все, прижать к себе. Так она обнимала его однажды, в ту ночь, когда ему снилось, будто он убегает по бесконечному тоннелю. Но Джеральд боролся и с ней тоже,

бил кулаками, глаза его вылезали из орбит, он размахивал руками изо всех сил, как рассерженный ребенок.

Она отступила в испуге. Джеральд испустил вздох – словно вода ушла по трубам с густым, пузырящимся клекотом. С лица постепенно сбегали краски – так смываются следы вина с дымчатых стенок бокала. Лицо побледнело, мышцы расслабились, отвисла челюсть. Смерть сотрясла его как погремушку, извлекая последний рокочущий звук, и Джеральд рухнул на кровать – в объятия смерти.

Смерть. Урсула поняла сразу – это смерть. Потом она вспоминала с удивлением, что Сара и Хоуп проспали смерть отца, как в детстве проспали, не слышали его воплей, когда Джеральду снился бесконечный тоннель. Она вызвала «скорую», хотя знала: он умер. А потом медленно, неохотно, со страхом в душе пошла будить девочек. Она боялась разговора с ними.

2

*Кроткие наследуют землю, но не им
отстоять унаследованное.
«Глаз на закате»*

Извещение Сара и Хоуп сочиняли вместе. Сара добавила «возлюбленный», потому что оставить «супруга» без эпитета было бы некрасиво, а «обожаемый» потребовалось им. Строки из «Гераклита» Уильяма Кори выбрала Хоуп, припомнила, как учила в школе, и откопала в «Золотом сокровище» Пэлгрейва¹. Сару эти стихи немного смущали, однако спорить она не стала, потому что Хоуп тут же ударилась в слезы. Несколько центральных газет опубликовали извещение:

Кэндлесс Джеральд Фрэнсис, возлюбленный супруг Урсулы и обожаемый отец Сары и Хоуп скончался 7 июля в возрасте 71 года в собственном доме в Гонтоне, Девон. Заупокойная служба в Ильффракомбе, 1 июля. Цветов не нужно, пожертвования – Британскому кардиологическому центру.

---

¹ «Золотое сокровище» – антология поэзии XIX века, составленная Фрэнсисом Пэлгрейвом.

Я плакал, припомнив, как часто под наш разговор Усталое солнце скрывалось за косогор.

На следующий день на страницах «Таймс» появился некролог:

Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, кавалер ордена Британской Империи, писатель, скончался 7 июля в возрасте 71 года. Он родился 10 мая 1926 г.

В период с 1955 года по настоящее время Джеральд Кэндлесс опубликовал девятнадцать романов. В памяти читателей дольше всего, вероятно, сохранится «Гамадриада», номинированная на Букеровскую премию в 1979 году.

Романы Кэндлесса, особенно в период расцвета его творчества, отличались от многих произведений художественной литературы тем, что были популярны в широких читательских кругах и вместе с тем пользовались благосклонностью критиков. Однако лишь с середины восьмидесятых годов его книги стали регулярно появляться в списках бестселлеров, но при этом к ним охладели обозреватели. Высказывалось мнение, что сюжеты романов «перегружены», что Кэндлесс вернулся к «сенсационному роману» прошлого века. Тем не менее в списке, составленном газетными обозревателями в 1995 году, Кэндлесс

фигурировал в числе двадцати пяти лучших прозаиков второй половины XX века.

Кэндлесс, единственный сын печатника и медсестры, Джорджа и Кэтлин Кэндлесс, родился в Ипсвиче (Саффолк) и вырос в этом городе. Он получил образование в частной школе, а затем в колледже Тринити Дублинского университета, где защитил диплом по классической литературе. Окончив университет, он работал в нескольких провинциальных еженедельниках и газетах – сначала в «Уолтамстоу Геральд» в Восточном Лондоне, затем – в «Вестерн Морнинг Ньюс» в Плимуте.

В Плимуте двадцативосьмилетний Джеральд Кэндлесс написал свою первую книгу. Спустя много лет в интервью «Дейли телеграф» он сказал, что последовал примеру Энтони Троллопа: поднимался каждый день в пять утра и писал три часа подряд, а потом уходил на работу. Роман «Центр притяжения» отвергли два издателя, но третий опубликовал его осенью 1955 года.

Три книги должны были выйти в свет и упрочить репутацию писателя, прежде чем он смог зарабатывать своим творчеством. Однако он еще долго продолжал работать журналистом: в начале шестидесятых, вскоре после женитьбы, взял на себя обзор художественной прозы в «Дейли Мейл», потом был редактором ко-

лонки книжного обозрения в этой газете, а еще позже – заместителем литературного редактора «Обсервера».

В эту пору он жил в Лондоне, в Хэмпстеде, где и родились его дочери. Позднее он переехал вместе с семьей в ту часть страны, которую любил со времен работы в Плимуте, – на побережье северного Девона между Бидефордом и Ильфракомбе. Здесь, на окраине деревушки Гонтон, он приобрел дом – Ланди-Вью-Хаус, стоящий на утесе над дюнами, и в этом доме жил и работал с 1970 года вплоть до своей смерти.

Кэндлесс состоял членом Королевского литературного общества с 1976 года, в 1986 году к юбилею был пожалован орденом Британской Империи. Причиной смерти стал коронарный тромбоз. Его оплакивают вдова, урожденная Урсула Вик, и дочери Сара и Хоуп.

На похороны пришло мало народу. У Джеральда Кэндлесса не было родственников, даже каких-нибудь завалящих кузенов. Пришли его девочки, Фабиан Лернер, приятель Хоуп, вдовья сестра Урсулы с замужней дочерью Полин.

– Во времена молодости моей матери женщин на похороны не допускали, – заявила Дафна Бетти, споласкивая стаканы из-под шерри. Мисс Бетти сравни-

лось девяносто три года. – «Проводы», вот как это называлось, а женщины не «проводжали».

– Почему? – удивилась Урсула.

– Слабый пол – считалось, им такого не выдержать.

– А теперь мы уже не слабый пол?

– С каждым годом женщины становятся все сильнее, верно? Сами знаете. – Дафна оглянулась через плечо, проверяя, не слышит ли кто. – Взять хоть Фабиана – он приехал только потому, что еще ни разу не был на похоронах. Так мне и сказал. Хотел посмотреть, каково это.

– Надеюсь, мы его не разочаровали, – буркнула Урсула, вспоминая спектакль, который устроила Хоуп, когда гроб с телом отца опускали в окаймленную искусственным дерном могилу. Опасалась даже, как бы дочь не бросилась в могилу, словно Лаэрт за Офелией.

Издатель Джеральда тоже встревожился не на шутку. Шагнул поспешно вперед, бормоча: «Нет-нет, не надо».

Хоуп сидела на блестящем зеленом искусственном дерне и отчаянно рыдала, глядя, как останки отца скрываются в глубине ямы. Полин – почему именно она, кто ее просил? – бросила первую горсть земли, захлупала, раскачиваясь взад-вперед, и запустила руки под черный бархатный берет, будто собралась

рвать на себе волосы.

– Ей тяжело, – вступилась за сестру Сара. – Нам всем тяжело. Просто мы сдержаннее проявляем эмоции.

Урсула промолчала.

– Самый прекрасный отец, какого только может пожелать себе человек! Как подумаю, какие отцы у моих друзей! Когда мы были маленькими... нет, не могу. Пока еще не могу, разревусь. Я держусь не лучше Хоуп.

– Ты хоть не напоказ рыдаешь, – сказала Урсула.

Сара пристально поглядела на мать – та сидела за кухонным столом перед чашкой с кофе. Крепко сбитая женщина, с прямой осанкой, приятными, но не запоминающимися чертами все еще гладкого, не изборожденного морщинами лица. Спокойные серо-голубые глаза; живущие своей жизнью седые волосы вечно выбиваются из узла. Девушке такой узел с растрепанными прядями придал бы очарования, подумала Сара, но на седой голове он смотрится неаккуратно. Впрочем, кто теперь видит ее мать? После смерти Джеральда – только Дафна Бетти.

Сара вспомнила, о чем хотела поговорить. Не то чтобы хотела – должна.

– Знаешь, я тут оставаться не смогу. И Хоуп тоже. Только до завтра. Ты поедешь со мной? – Это прозвучало не слишком ласково, и Сара попыталась еще

раз: – Я буду рада, если ты поселишься со мной. Поживешь сколько захочешь. Пока я на работе, ты сможешь спокойно посидеть дома, или сходить за покупками, или... в парикмахерскую. – Чуть не добавила, что Хоуп станет забегать на огонек, – но кто может поручиться за Хоуп?

– Посмотришь магазины в Кэмден-Лок, – продолжала она. – Ты ведь любишь ходить пешком. У нас приятная дорога до Сент-Джон-Вуд.

– Гораздо приятнее пройтись вдоль пляжа до Франатон Барроуз, – возразила Урсула. – Ты очень добра, Сара, но мне и тут хорошо. Мне понравится быть одной. Я привыкну к этому. – Она не стала уточнять, что уже три десятилетия фактически жила одна. Присутствие еще одного человека – большого, умного, требовательного, но совершенно к ней равнодушного – нисколько не смягчало одиночества. Но Урсула не стала об этом упоминать, она никогда не заговаривала об этом с дочерьми, ни с кем не делилась.

– И потом, Полин приедет, поживет со мной несколько дней.

Сара выразительно закатила глаза, но не стала оспаривать такое решение проблемы – того, что она считала проблемой. Они с матерью никогда не делились переживаниями и не умели поддерживать непринужденный, по пустякам, разговор, так что теперь она

не ответила: «Твое дело» и не спросила: «За что ты себя так наказываешь?», а заметила только:

– Надеюсь, она составит тебе компанию.

Конечно, Полин могла составить ей компанию – куда лучше, чем Джеральд, потому что этой девице решительно все равно, много или мало с ней разговаривают, и разговаривают ли вообще. Ей исполнилось тридцать восемь. Пока дочери росли, племянница часто приезжала погостить. Разница в возрасте была идеальной: Полин нравилось присматривать за малышками. Как и все девочки, попадавшие в их дом – и в лондонский, и в этот, где они жили теперь, – она считала Джеральда самым добрым, внимательным, самым замечательным из взрослых. В четырнадцать лет она влюбилась в дядю. Потом что-то произошло – что именно, знали только Полин и Джеральд, но оба сумели как-то пережить это недоразумение, и когда семь лет спустя Полин выходила замуж – ее отец к тому времени умер, – то попросила дядю Джеральда быть ее посаженным отцом.

Дети Полин уже не маленькие, они могли остаться дома с отцом, а бабушка заходила приготовить обед. На жизнь Полин зарабатывала всего три года, пока не вышла замуж, а с тех пор и не думала о работе. В этом они с Урсулой родственные души – так она считала, ведь Урсула тоже никогда не работала, то есть

не служила за жалованье, кроме нескольких месяцев в 1963 году в Пурли, перед тем как Джеральд женился на ней.

– Ведь ты перепечатывала все его рукописи, да? – спросила Полин как-то за ланчем (к тому времени она провела в Ланди-Вью-Хаусе около недели). – Он писал, а ты разбирала его ужасный почерк и перепечатывала на своей старой «Оливетти».

– Верно, – подтвердила Урсула. – Как Софья Толстая.

– Кто-кто? – переспросила Полина.

– Жена Толстого. Она переписывала все его книги по семь раз, длиннющие романы, и ей приходилось переписывать их от руки, потому что печатную машинку еще не изобрели или у них машинки не было, не знаю. По сравнению с ней мне пришлось не так уж тяжело.

– Но ты же не получала за это денег? – с надеждой в голосе уточнила Полин. Если Урсула состояла на жалованье, пусть даже у собственного мужа, это исключало ее из сестринского союза замужних и неработающих дам. – Дядя Джеральд тебе не платил?

– Он содержал меня, – сказала Урсула.

– Само собой. Брайан содержит меня, если на то пошло.

– Я не все годы печатала. «Впроголодь» была по-

следней, в 1984 году. С тех пор он печатал свои книги сам.

– А почему не ты? – удивилась Полин.

Урсула не отвечала. Она прикидывала, как скоро можно закончить посиделки и уйти на прогулку. Минут через двадцать, пожалуй. Полин уже убирала со стола. Она еще не спросила, оставил ли дядя Джеральд вдове большое состояние, или только хватает на жизнь, или она теперь еле сводит концы с концами. Она не спросила, придется ли продать дом, или пустить постояльцев, или превратить его в отель, хотя Урсула прекрасно знала, что племяннице не терпится все разузнать досконально. Родственники были уверены, что Джеральд завещает свое состояние дочерям, и даже Урсула, достаточно быстро преодолев шок, вызванный смертью мужа (если шок вообще имел место), не успела свыкнуться с его последней волей, которая стала для нее полной неожиданностью.

– Через десять минут мне пора на прогулку, – предупредила она, загружая с помощью Полин посудомойку.

– В такой туман? – Полин наигранно содрогнулась.

– Не туман – просто дымка.

– Это ты так говоришь. Дымка над морем, только и всего. Единственное, чего я терпеть не могу в этих

местах, – белый туман. Дядя Джеральд тоже его терпеть не мог, да? Помнится, ни за что не выходил из дому в такую погоду, еще и в кабинете запирался. А почему?

– Не знаю, – ответила Урсула.

– Ты не расстраиваешься, когда я о нем вспоминаю, тетя Урсула?

– Хватит уже называть меня тетей, – не в первый раз напомнила Урсула.

– Я стараюсь, – оправдывалась Полин, – но от старой привычки так легко не отделаешься.

Когда с моря наплывал туман, все уходили с берега. Парковка пустела, серфингисты удалялись в свой лагерь, постояльцы гостиницы купались в крытом пруду. Полоса пляжа, семь миль в длину и полмили в ширину, накрыта плотным белым занавесом, море и дюны спрятаны плащом-невидимкой. Урсула не видела ни морщинистых зеленых пригорков дюн по левую руку, ни волн, бесшумно наползавших на песок справа, – только собственные ноги и несколько метров дорожки впереди и по бокам.

От тумана одежда намокла, мелкие капли оседали на волосах, но Урсулу это не беспокоило. Главное – не холодно. Порой она даже предпочитала туманные дни тем ясным и солнечным, когда виден залив, и паб

«На Запад», и гостиница с садом и чересчур яркими цветами на вершине утеса. Урсула шла на юг, между дюнами и прибоем, лишь изредка отрывая взгляд от песка и всматриваясь в далекий расплывчатый круг солнца за густой белой пеленой.

Иногда песок бывал плотно утрамбован, становился жестким и совершенно гладким, порой залив каким-то образом собирал его морщинками, превращал в пенку на кипящем молоке. Сегодня песок ровный, цвета темной охры, но местами на него острыми уголками, словно шевроны на рукаве, легла черная блестящая пыль. Так на листе белой бумаги, повинуясь магниту, выстраивается рядами металлическая стружка. Приезжие принимали черные полосы за гудрон или еще какой-нибудь загрязнитель, но Урсула знала – это ракушки, растертые в пыль вечным движением моря.

Ракушки лежали повсюду – белые гребешки, блюдечки цвета слоновой кости, мелкие завитушки, иссиня-черные створки мидий, где порой блестела жемчужина или виднелся присохший моллюск, ракушки-«бритвы» – точь-в-точь лезвие в оправе из агата. Впервые попав в эти места, девочки (тогда еще маленькие) бросились собирать ракушки и таскали их домой каждый день, пока не пресытились. Спустя много лет Урсула нашла потускневшие, пропылен-

ные, пропахшие ракушки в кладовке, сложила в пакет, отнесла на пляж и рассыпала там. На следующий день, прогуливаясь привычным маршрутом, она уже не смогла отличить вчерашние раковины от тех, которые лежали здесь целую вечность, – море отмыло их, отчистило до блеска.

Сегодня на пляже не было никого, кроме Урсулы. Туман висел неподвижно. Одиночество оказалось кстати, появилась возможность поразмыслить. В Ланди-Вью-Хаусе, рядом с Полин, не призадуматься, а на ночь, оставаясь одна в своей комнате, Урсула по настоянию врача принимала снотворное. Почему ей так нравится туман? – спрашивала она себя. Неужели потому, что Джеральд его ненавидел? Вероятность такого объяснения Урсула не исключала: ей нравился туман именно потому, что его не любил Джеральд, и эта погода целиком принадлежала ей – ее тайное, неотчуждаемое владение.

А еще она любила туман за то, что он все скрывал от взгляда – и Ланди-Вью-Хаус, и другие дома на утесе, и людей, и в особенности Джеральда. Скрывал все, кроме чистого ровного песка, отмытых морем белых или иссиня-черных, переливчатых раковин. Теперь она не нуждалась в такой укромности. «Укромность», повторила про себя Урсула, наслаждаясь звучанием слова. Давным-давно она старалась каждый

день заучивать и употреблять длинные книжные слова, чтобы произвести впечатление на мужа, угодить ему. Вот глупая, попеняла себе Урсула, но попеняла спокойно, без досады.

Она повернула домой, не по своим следам, а по дуге, чтобы пройти ближе к линии прилива, и уже не впервые подивилась тому, как равнодушно приняла смерть мужа. Ей полагалось пережить шок, а шока не было, только минутная растерянность, как будто ее застали врасплох, и сразу же – облегчение. И чувства вины не было. Как-то Урсула прочла – ах, сколько книг, журналов, альманахов, еженедельников и газет прочла она за последние годы! – что скорби сопутствует острое желание вернуть умершего к жизни хоть на несколько часов и получить наконец ответы на вопросы, которые так и не были заданы. Да, кивала она, я бы хотела спросить его почему. Почему ты так обошелся со мной, почему отнял так много? Почему отвел мне второе место – и даже не второе – в глазах моих же детей? Почему женился на мне? Нет, даже не так: почему хотел жениться? Но чтобы получить ответ, пришлось бы не только оживить Джеральда, но и изменить его характер. Тот Джеральд, какого она знала, и не подумал бы отвечать.

Урсула припомнила еще одну загадку: миссис Эади. Вот уже много лет она не вспоминала об этой

грузной, печальной старухе – дочь в монастыре, сына зарезали, фотография в серебряной раме возле маленькой зеленой в крапинку вазы. Так и стоит перед глазами, столь же отчетливо, как песок и ракушки. А спустя год они покинули Хэмпстед, перебрались сюда, на вершину утеса, в дом с видом на Бристольский канал и остров Ланди.

Туман поднимался. Урсула знала его повадки: дымка не рассеется окончательно, приподнимется и опустится снова, подтает и сгустится опять, и так весь день. Сейчас уголок белой шторы отогнулся, она истончилась, пропуская бледные лучи солнца. Проступила гостиница – агрессивно-красный кирпич, низкий фронтон, черепица цвета герани, которая росла в развешенных повсюду горшках. Пелена тумана с определенным изяществом облекала эту декорацию, словно предъявляла ее многочисленной публике, собравшейся на берегу полюбоваться местными красотами.

На мгновение проступил и ее дом – теперь это ее дом. Не пожизненно в ее владении, не на правах арендатора – собственность. И все гонорары, какие поступят от книг Джеральда, – тоже ей. Почти все имущество Джеральд завещал жене, за вычетом щедрых подарков Саре и Хоуп. Пожалуй, завещание мужа изумило Урсулу сильнее, чем его смерть. Гуляя в одиночестве по берегу, она долго размышляла над этим и

пришла к выводу, что таким образом Джеральд компенсировал ей причиненный ущерб. Он не пытался уверить, будто на свой лад любил ее, но помнил, что он перед ней в долгу. Присвоил ее жизнь, отобрал.

На вершине утеса показалась фигура Полин – племянница стояла у ворот и усердно махала рукой. Урсула помахала в ответ, без особого энтузиазма. Ей предстоит совершить поступок, какого никто не ожидает от вдовы, – возьмет и пригласит Полин в гостиничный бар, выпить по стаканчику.

И снова туман сгустился в одночасье – так она и знала – и скрыл из глаз Полин, ее приветливо машущую руку.

3

Человек верит всему, что написано в газете, пока не прочтет свою собственную историю, опутанную паутиной лжи. И тут он призадумается, однако ненадолго, а потом к нему вновь вернется вера в печатное слово.

«Центр притяжения»

Ежедневно в Ланди-Вью-Хаус доставляли три газеты. Урсула пока не отказывалась от прессы ради Полин, которая любила почитать за завтраком, но твердо намеревалась аннулировать подписку, как только племянница уедет. Она предвкушала тот момент, когда больше не будет никаких газет. Лично ей больше нравится, угощаясь грейпфрутом и тостом, любоваться берегом.

С утра море было спокойным, густого синего цвета, ровного, без изумрудных сполохов, и над ним – бледное, очень светлое, без туч небо. Отлив только начался, песок еще влажный, и мальчик лет двенадцати строил высокий замок с башенками, рвом и подъемным мостом. Папаша с двумя малышами пытался запустить красно-белого змея, но ветра не было, и змей не мог оторваться от песка. Джеральд тоже запускал

для девочек змеев, а сколько замков он им построил!

– Ты заметила, – проговорила Полин из-за газеты, – что никто не желает высказать простую истину насчет безработицы? А правда в том, что теперь женщины работают. Если бы все они уволились, безработицы среди мужчин не было бы, но никто не осмеливается рассуждать об этом вслух.

– Это не политкорректно, – согласилась Урсула.

– Тебе когда-нибудь хотелось работать? В смысле – не помогать дяде Джеральду, а за жалованье?

– Я подумывала присматривать за детьми в гостинице. Им часто нужна няня.

Полин уставилась на тетю, проверяя, не шутит ли. Лицо Урсулы оставалось непроницаемым.

– Но ты этого так и не сделала?

– Джеральд не одобрил идею.

– Еще бы! Жена знаменитого писателя сидит с чужими детьми за два фунта в час!

– Вообще-то, за три, – поправила ее Урсула. – Если ты закончила, я, пожалуй уберу со стола, пока Дафна не пришла. Сиди, я справлюсь. Читай свою газету на здоровье.

Когда она вернулась за кофейником, Полин сообщила:

– Тут опубликовано письмо про дядю Джеральда. Хочешь прочесть?

– Не очень. – Зная склонность племянницы читать вслух, Урсула слегка вздохнула и сдалась: – Ладно, прочти мне.

– Довольно странное письмо. Загадка, да и только. «От издателя "Современной филателии"».

– «Таймс» постоянно публикует такие письма.

– Очень странно. Вот, слушай: «Сэр, я обращаюсь к вам по поводу некролога Джеральда Кэндлесса, писателя (Некрологи, 10 июля). Автор утверждает, будто покойный мистер Кэндлесс после войны работал репортером в «Уолтамстоу Геральд». Я занимал должность заместителя главного издателя в этом печатном органе с 1946 по 1953 год и смею вас заверить, что, если бы это скромное издание имело счастье числить в своих рядах выпускника Тринити и будущую мировую знаменитость, я бы сохранил это в памяти. Боюсь, вы ошиблись, назвав Джеральда Кэндлесса «лицензиатом» «Уолтамстоу Геральд». Остаюсь, сэр, ваш покорный слуга, Джеймс Дроридж». Что еще за «лицензиат»?

– Так раньше называли выпускников университета.

– А! Почему они написали, что дядя Джеральд работал в этой газете, если он там не работал?

– Не знаю, Полин. Ошиблись.

С кухни донеслись обрывки песни, возвещавшей о прибытии Дафны Бетти. Под напев «Сегодня я снова

тебя полюбил» Урсула поспешила с кофейником на кухню. Дафна прихватила с собой «Дейли Мейл», чтобы Урсула непременно прочла интервью Мэри Ганторп с Хоуп. По крайней мере, она не порывалась прочесть ей вслух этот шедевр: «О мой возлюбленный отец! Хоуп в отчаянии».

Урсула смирилась с неизбежностью. Она вспомнила, что периодически Джеральд зарекался читать рецензии на свои книги, но уклониться ему ни разу не удалось. Раньше или позже ему пересказывали статьи по телефону, цитировали в письмах, присылали вырезки, подчеркивав красными чернилами текст. Не прочесть сейчас – Дафна оставит газету, уходя, Полин подберет, и уж она-то не помилосердствует. Урсула села и начала читать, а Дафна заглядывала ей через плечо:

Он был высоким, крепко сбитым мужчиной с крупными чертами лица и широкой насмешливой улыбкой. Она – нежная, с розовой кожей, с темными волнистыми волосами, глаза кажутся чересчур большими на личике в форме сердца. И тем не менее Хоуп Кэндлесс – точная копия отца, знаменитого романиста, скончавшегося две недели назад. Тот же ум блистает в тех же карих глазах, и столь же пронизателен взгляд, и такая же музыка в голосе.

Голос, правда, прерывается, и в карих глазах – слезы. К смущению Хоуп, слезы потекли, едва она заговорила об отце. Хоуп, облаченная в приталенное бело-розовое платье и в белых сандалиях на высоком каблуке – ей бы и в голову не пришло надеть джинсы с футболкой, – вытирает глаза кружевным платком. Впервые вижу настоящий платок с тех пор, как десять лет назад умерла моя бабушка. На платочке розовыми нитками вышито «X».

– Я скучаю по нему, – признается она. – Он был мне не только отцом, но и лучшим другом. Если бы я могла выбрать одного-единственного человека, чтобы прожить с ним всю жизнь, я бы выбрала его. Глупо, да?

Когда мы с сестрой писали сообщение о его смерти, то не могли подобрать эпитет, выразить по-настоящему свои чувства. «Возлюбленный» – этого было недостаточно. Мы написали «обожаемый», ведь мы и вправду обожали его. И добавили строки из того стихотворения викторианской эпохи, «потому что мы могли говорить с ним, пока солнце не сядет»².

– Странно, не правда ли? Каждая из нас твердо уверена, что любимицей была она. Думаю, он любил нас одинаково, и так сильно! Простите, простите, что я плачу. Это он купил мне дом и квартиру сестре тоже. «Дом» Хоуп – большая и светлая квартира на пер-

---

² Последняя строка стихотворения Уильяма Кори «Гераклит».

вом этаже здания в Кроуч-энд, с просторным патио и ухоженным фруктовым садом. Автор «Гамадриады» и «Пурпура Кассия» купил его дочери семь лет назад, когда она получила диплом юриста. Хоуп заняла второе место по результатам экзаменов в Юридическом обществе, после того как с отличием окончила Кембридж. Ее сестра Сара, двумя годами старше, ведет гендерные исследования в Лондонском университете.

– Сара получила квартиру в Кентиш-таун. Знаете, что он сказал тогда? «Жаль, я не настолько богат, чтобы купить вам дома в Мейфер или Белгравии». Он заботился о нас. В детстве уделял нам все свое время. Если ночью мы плакали, приходил к нам он, а не мама. Он играл с нами, читал вслух, разговаривал. Когда я выросла, то подумала: когда же он успевал писать книги? Наверное, он работал, пока мы спали.

Он никогда нас не наказывал. Об этом и мысли не было. Он терпеть не мог родителей, которые шлепают детей. Не бьют, а просто шлепают. Ничто не могло его вывести из себя, только это.

Послушав Хоуп Кэндлесс, можно подумать, будто матери у девочек не было, а если была, то сбежала от мужа – образца всех добродетелей – с молочником и бросила их еще в раннем детстве. На самом деле Урсула Кэндлесс вполне благополучна и проживает в

северном Девоне, в доме, который завещал ей муж.

– Кто бы ей не позавидовал? – рассуждает Хоуп. – Женщины вечно жалуются, что мужья не смотрят за детьми и вообще им не помогают. Иные отцы забывают о детях с вечера воскресенья и до вечера пятницы, не говоря уж о беглецах, которых приходится разыскивать и заставляя содержать семью. Нет, моя мать на редкость счастливая женщина.

Урсула сердито скомкала газету. Она бы не стала читать дальше, но тут в кухню вошла Полин, энергично приветствовала Дафну и, схватив газету, принялась читать ее вслух – как Урсула и опасалась.

– На чем ты остановилась, тетя, то есть Урсула? Ага, «счастливая женщина». Дальше:

Наверное, счастливое детство и любящий отец пробудили в Хоуп мечту о детях? Готов ли ее партнер стать вторым Джеральдом Кэндлессом?

– Я принципиально моногамный человек, – заявляет Хоуп. – Мне по душе стабильные отношения, этим я обязана детству и нашей семейной жизни. А что касается детей – посмотрим. – Хоуп улыбается, но тут же, вспомнив, что радоваться нечему, хватается за носовой платок. – Мы с партнером пока не заговаривали о детях.

Ее партнер – коллега-юрист Фабиан Лернер. Они познакомились в Кембридже и с тех пор не расставались.

– Вот уже двенадцать лет, – говорит Хоуп. Нет ли в ее улыбке оттенка печали? Несколько неожиданно она добавляет: – Мы проводим вместе почти все выходные и отпуска, но никогда не жили вместе. По-вашему, это странно?

Да, странно. А может, все дело в том, что «человек, играющий важную роль в ее жизни» не может сравняться с той чересчур важной ролью, которую играл в ее жизни отец?

– Вот гады, а?

– Да уж, – сказала Урсула.

– Хорошо еще, что Хоуп не живет с Фабианом. Было бы неприятно прочесть об этом в газетах.

Дафна Бетти повезла пылесос в столовую, напевая песенку «На цыпочках среди тюльпанов». Урсула слышала ее впервые.

День, когда Полин уезжала домой, выдался ярким и солнечным. К девяти утра пляж заполнился людьми. Кто спускался по частной дорожке из гостиницы, кто – с парковки позади ларька «Мороженое» и магазина, где торговали ведерками, лопатками и надувными

матрасами. Явились туристы, поселившиеся в деревушке по ту сторону дюн, и серфингисты из лагеря в Франатоне – эти, в облегающих купальных костюмах, выбрались на берег задолго до того, как Урсула и Полин проснулись. Оторвавшись на минуту от завтрака, Полин поинтересовалась, почему Джеральд выбрал именно это место, ведь он родом не из Девона. Раньше она об этом не задумывалась. Урсула пожала плечами: наверное, ему здесь нравилось. Эти места всем нравятся.

– Прости, тетя Урсула! Я расстраиваю тебя этими разговорами. Я такая нетактичная. И про женщин-профессионалок мне не следовало говорить, ведь у Сары и Хоуп такие хорошие профессии. Ты рада будешь избавиться от меня, дуры бестактной.

– Совсем не рада, – возразила Урсула не слишком искренне. – Ты очень добра. Я буду скучать по тебе.

На память она подарила Полин первое издание «Молитв» с автографом. Суперобложка с изображением молодой женщины перед храмом Афины в идеальном состоянии. Книга стоила около трехсот фунтов. Урсула надеялась, у Полин хватит ума не давать книгу кому-нибудь почитать. Но вряд ли она догадается об истинной цене издания.

– Разве я пойму? – усомнилась Полин. – Дядя Джеральд был такой умный.

Возле станции Барнстепл припарковаться было негде, так что Урсула вышла из машины лишь на минуту, чтобы поцеловать Полин, и Полин сказала с тревогой в голосе: она, мол, надеется, что Урсула теперь справится сама. Урсула села в машину и вернулась в город.

Ей пришлось покружить с четверть часа, пока она нашла место для парковки. В центре она, не выбирая, зашла в первую попавшую парикмахерскую. Урсула перестала стричься двадцать лет назад. В конце семидесятых она решила отпустить волосы – теперь уж и не вспомнить почему. Тяжелый период в жизни, чуть ли не самый скверный. Они прожили в Ланди-Вью-Хаусе семь или восемь лет, девочкам сравнялось одиннадцать и тринадцать. Урсуле захотелось изменить свою внешность, и она постаралась сбросить вес, который набрала после рождения Хоуп, а заодно отрастила волосы. Два способа изменить свою внешность бесплатно.

Она сбросила пятнадцать фунтов, а волосы свисали ниже лопаток, но Урсула оставалась все той же Урсулой, разве что более худой и с косичкой, подколотой к затылку. Джеральд и девочки то ли ничего не заметили, то ли предпочли промолчать. Волосы уже поседели. Перец с солью, как говорят нынче; серебряные нити в золотой пряже, поет Дафна. Тонкие, кончики

секутся, слишком много остается на расческе. Урсула попросила парикмахершу подстричь ее как можно короче, оставив челку.

Когда стрижку закончили, Урсула вынуждена была согласиться с парикмахершей: так гораздо лучше, теперь она выглядит моложе. Во всяком случае, теперь она выглядит иначе – добилась наконец того, чего не смогла добиться двадцать лет тому назад. Парикмахерша хотела покрасить ее в пепельную блондинку, но Урсула не разрешила.

После похода по магазинам она поехала домой, открыв окна в машине. С короткими волосами Урсула могла не бояться ветра и дождя, косичка не будет больше падать, заколки не разлетятся во все стороны. К двум часам на берегу собралось две или три сотни отдыхающих. Было тепло, но не жарко, солнце скрылось за прозрачным облаком. Даже высокий прибой оставлял достаточно широкую полосу пляжа – с лихвой хватало места всем загорающим, строителям песчаных замков, собирателям ракушек и любителям поиграть в мяч.

Выйдя на ежедневную прогулку, Урсула обогнула множество тел, возлежащих на песке, компании, затеявшие пикник, детей, собак и направилась к югу. Почему-то отдыхающие собирались на северном конце пляжа, и через каких-нибудь двести ярдов Урсула

осталась в одиночестве. Она повторяла про себя по привычке последнюю строку самого известного, даже затасканного, стихотворения Шелли: «Нет ничего быстрее песков».

Заучила в школе. Сколько стихотворений запомнили тогда дети (теперь уже нет): и Мейсфилда, о грязном торговом судне, и ту цитату из Гераклита, которую Хоуп поместила в извещение о смерти, и леди Шалотт, и Гораций на мосту: «Рушьте мост, о консул, как можно скорее! Имя мое Озимандия, царь царей». Это снова напомнило ей о Джеральде, особенно «властный взгляд» и «исполненный насмешливой гордыни».

– Нет ничего быстрее песков, – произнесла она, обращаясь к обступившей ее тишине.

Она забрела дальше, чем на обычной прогулке. Хорошая погода, приятно пройтись. Ее мать когда-то без усталости бродила по прекрасным холмам графства Суррей, а отец, толстый, одышливый, цеплялся за машину, словно безногий – за инвалидную коляску. Мать говорила: если бы он сумел въехать на машине в дом, так бы и раскатывал из комнаты в комнату. Оба давно уже умерли, они были немолоды, когда родилась дочь, младшенькая, «прибавка». Можно свалить на них вину, но на самом деле Урсула во всем виновата

сама, все сделала своими руками. Теперь, оглядываясь на прошлое, она не могла объяснить то девичье помрачение ума.

Непредприимчивая, праздная, возведшая праздность в закон жизни, невежественная, зажатая, страус, а не девушка, головой уткнувшаяся если не в песок, то во всякую чепуху. Готовая добыча для Джеральда Кэндлесса. Как она была изумлена, польщена, ошастливлена столь внезапным поворотом судьбы. Агнец на заклание. Дожидалась, замерла, как жертва перед хищником, видела, как он приближается, как смыкается кольцо, и не бежала, не догадывалась даже, что можно, а тем более – что необходимо бежать.

Урсула сделала круг по пляжу, против часовой стрелки, чтобы на обратном пути оказаться ближе к дюнам, песчаным долинам и зеленым округлым пригоркам, глубоким тенистым колодцам и травянистым холмам.

В любое время дня среди дюн можно наткнуться на любовную парочку. Если не занятую самим актом, то очень близкую к тому – стиснут друг друга в объятиях, целуют, катаются по песку. Не в первый раз Урсула задумалась, каково это – быть влюбленной и любимой, пойти с ним в дюны, упасть, целуя его, сжимая объятия, и так проводить часы. И это занятие не прискучит,

останется самым желанным на свете?

Она поднималась к гостинице по тропинке, более пологой и длинной, чем та, что вела к ее дому и другим коттеджам на мысе. Здесь вместо амброзии, которая росла вдоль ее тропы, поднимались заросли фуксии, вилась ипомея. Когда Урсула добралась до вершины, она вспотела. Наверное, щеки покраснелись и блесят, подумала она, зато волосы в полном порядке. Приятна сама мысль, что о волосах никогда больше не придется беспокоиться.

Она решила назваться Урсулой Вик. Так и скажет: «Меня зовут Урсула Вик». В будущем она сможет вернуть себе девичью фамилию, отбросить имя «Кэндлесс», которое превращает ее во вдову знаменитого писателя. Отворив калитку, Урсула прошла в сад отеля. Лужайки окаймляли гортензии, ярко-голубой цвет контрастировал со столь же ярким розовым. Уродство, мысленно произнесла она, отсюда смотрится еще хуже, чем с пляжа. Гортензии выглядели точь-в-точь как лакмусовая бумажка после опыта, о котором она где-то читала: от щелочи розовая полоска голубеет или, наоборот, голубая становится розовой. Они экспериментировали с лакмусом в школе на уроках химии, но Урсула не помнила, какую реакцию вызывает кислота, какую – щелочь. И к гортензиям это, наверное, неприменимо.

Она подошла к главному входу. Швейцар в коричневой униформе распахнул дверь. Внутри оказалось темно и прохладно. Стрелки на стене указывали путь к крытому бассейну, столам для пинг-понга, магазину, парикмахерской, бару. В этом баре они с Полин выпивали, но не оставались ужинать, так что Урсула не знала, в какой стороне столовая. Стеклопанные витрины на стенах заполнены украшениями, керамикой, ку-пальниками.

За стойкой стояла молодая женщина с длинными рыжими волосами, сверяла записи в грессбухе с данными на экране компьютера.

– Добрый день, миссис Кэндлесс, – она посмотрела на Урсулу.

Прощай план назваться Урсулой Вик.

– Мы так огорчились, узнав о мистере Кэндлессе, – продолжала рыжеволосая, и дальше будто по книге: – Мы все глубоко сочувствуем вашей тяжелой утрате. Полагаю, вы получили от мистера Шофилда письмо с изъявлением соболезнований от лица нашего персонала?

Урсула кивнула, хотя в точности не помнила. Сотни писем.

– Чем могу помочь, миссис Кэндлесс? – проникновенным голосом спросила девушка.

– Я хотела узнать, нужны ли вам временные няни.

Девушка слегка выпятила губы – сочные, красные губы, похожие на мякоть спелой клубники.

– Всегда нужны, миссис Кэндлесс, особенно в сезон. Хотите кого-то порекомендовать?

– Да, – ответила Урсула. – Себя.

Потребовались дополнительные объяснения – именно поэтому Урсула не хотела называть свое настоящее имя. Пришлось подтвердить еще и еще раз: да, она действительно хочет этого, действительно готова посидеть с детьми постояльцев, скажем, два раза в неделю, она любит детей. Это стало бы приятной переменной... Тут, к своему стыду, она вынуждена была сослаться на свой статус вдовы, на потребность выбраться вечером из опустевшего дома. Рыжеволосая отнеслась с пониманием. И подоспевший менеджер мистер Шофилд – тоже.

– Готовы всячески поддержать вас в вашей скорби, миссис Кэндлесс, – бормотал он, словно это отель оказывал Урсуле услугу, а не она ему.

– Спасибо за письмо, – поблагодарила она.

– Был рад, – неуклюже ответил менеджер и покраснел, осознав допущенную неловкость.

– Начнем с четверга, – предложила рыжеволосая, исходя, по-видимому, из принципа: чем раньше начать лечение, тем лучше.

Она что-то записала в своем грессбухе. Урсула еще

раз поблагодарила обоих и на обратном пути гадала про себя, как-то судят и рядят эти двое о ее странностях теперь, когда она не может слышать их разговор. Вернувшись домой, она напрямик направилась в маленькую комнату, считавшуюся «утренней», где на круглом столике громоздились все письма с выражением соболезнования.

По маркам на конвертах Урсула догадалась, что письма шли со всего света. Жаль, у нее нет знакомого мальчика или девочки, которые собирают марки, но, возможно, такой филателист повстречается ей, когда она будет сидеть с детьми. Ведь не за младенцами предстоит присматривать – за детьми до десяти лет. Урсула вытащила из шкафчика под мойкой большой черный пакет, принесла из гостиной ножницы (они хранились в шкатулке для рукоделия, доставшейся ей от матери).

Она принялась вырезать марки из всех конвертов подряд – успокоительное, приятное занятие. Марки Соединенных Штатов и Австралии, Швеции и Польши, Малайзии и Гамбии. Некоторые на редкость красивые, с птицами, бабочками. В итоге накопилось шестьдесят семь иностранных марок. Урсула сложила их в новый конверт, а письма, так и не распечатав, свалила в черный пластиковый пакет. Какое облегчение она испытала, решив не отвечать на них!

4

Когда гости разошлись, Питер, цитируя то ли Гете, то ли кого-то еще, произнес: «Довольно приятные люди, но, будь они книгами, я бы не стал их читать».
«Покинутый водяной»

Хоуп слишком рано добралась до улицы, на которой располагался ресторан, и нашла убежище в «Лауре Эшли»³ на противоположной стороне. Она из принципа никогда не приходила вовремя, тем более заранее, на свидание с женщиной (разве что с Фабианом, но он не в счет). Требовалось опоздать на несколько минут. Опоздание давалось ей нелегко, Хоуп была пунктуальна от природы, однако старалась, как могла.

Утром, в промежутке между встречей с клиентом, который хотел при разводе выбить приличное содержание из бывшей супруги, и другим клиентом, который решил основать благотворительный фонд, главным образом в пользу своих дружков, Хоуп набрасывала план мемориальной службы в память отца. Всякий раз, припомнив очередное стихотворение, песню или отрывок прозы, нравившийся ему, Хоуп ударя-

---

³ Магазин модной одежды.

лась в слезы. Основатель благотворительного фонда всмотрелся в ее заплаканное лицо и поинтересовался, не простужена ли она.

Хоуп не отличалась начитанностью, но любимые тексты отца, или, по крайней мере, их названия, запечатлелись в ее памяти (в сердце, предпочитала говорить она) и пребудут там вовеки. «Иордан» Герберта, «Улисс» Теннисона, кусочек из Сартра, прикидывала она, бродя среди вешалок с цветастыми платьями. «Неужто в истине отсутствует краса? – вопрошала она себя. – Неужто четкость форм мы видим только в винтовой лестнице?» – но пришлось остановиться, чтобы снова не зарыдать. Перед выходом из офиса Хоуп тщательно привела в порядок лицо и не хотела предстать перед Робертом Постлем с размазанной косметикой.

Наверное, он уже пришел. Три минуты второго, а этот человек, насколько она помнила по его визитам в Ланди-Вью-Хаус (иногда они совпадали с ее приездами), был столь же пунктуален, как она сама – если бы снизошла до пунктуальности. В ресторане ей подтвердили, что Роберт уже пришел, и тут же она увидела его – стоит возле столика и машет ей рукой.

Роберт Постль был редактором ее отца в «Карлион Брент» с тех самых пор, как «Гамадриаду» номинировали на Букеровскую премию. Внешним поводом для

его назначения стал уход на пенсию прежнего редактора, но истинной причиной явилась номинация. Все это произошло давным-давно, Роберт заметно постарел. Девочкам Кэндлесс он казался красивым, даже сексуальным, и когда на следующий год он женился, Сара – отчасти притворно, отчасти искренне – горевала. С тех пор Роберт отрастил животик, потерял большую часть темных шелковистых волос, остались только редкие пряди над ушами и несколько клочков на лысине, словно лесистые острова посреди изжелта-коричневого океана.

Он был католиком, придерживался буквы закона, обзавелся множеством детей и спрашивал у приходского священника разрешения посетить англиканскую церковь, чтобы принять участие в отпевании Джеральда, хотя даже Рим не считал нужным соблюдать подобные формальности. Священник про себя обзвал его занудой. Хоуп показалось, что за последние две недели редактор еще больше состарился.

И поцелуй его уже не столь приятен, как прежде. К тому же довольно неуклюжая процедура, поскольку в Лондоне Хоуп не выходила на улицу без головного убора, и как раз в этот день надела нечто вроде колеса из тонкого полотна кораллового цвета. Снимать шляпу она не стала – розоватый отсвет ей к лицу.

– Что скажешь по поводу статьи в «Мейл»? – поин-

тересовался Роберт.

– Ничего не скажу.

– Поверить не могу, чтобы ты заговорила о своем «партнере».

– Ну да, мои «партнеры» – это трое юристов в «Раскин де Гручи». Я говорила о своем «парне», но газета внесла изменения. Насчет носовых платков – вот что меня вывело из себя. Конечно, я пользуюсь платками, бумажные салфетки отвратительны, они сразу промокают, но никаких инициалов я на них не вышила. Вымысел чистой воды. А выпить можно? Здесь подают литровые графины белого вина – то, что нужно после такого ужасного утра.

И полулитровые графины подают, подумал Роберт – на его взгляд, такой дозы вполне достаточно, – но промолчал. Он собирался сделать Хоуп некое предложение, уже и слова подобрал, но решил подождать, пока она отопьет глоток «Орвьето», изучит меню, возмущается газетами, журналистами, прессой как таковой. Хоуп пугающе походила на отца, розовая шляпа придавала ее щекам лиловатый оттенок, окрашивавший в последние годы скулы Джеральда. Трудно смириться с мыслью о его смерти, трудно привыкнуть к смерти человека, столь жизнелюбивого.

– Думаю, ты слышала, – заговорил он, когда перед Хоуп поставили ризотто, – какую популярность при-

обрело сейчас одно из направлений биографического жанра, а именно, воспоминания ребенка о родителях – чаще всего, хотя не только, об отце.

Хоуп повела взглядом из-под полей шляпы:

– Ребенка?

Как она ухитрилась попасть в Кембридж, да еще и окончить с отличием? Разумеется, тут немалая доля аффектации. Хоуп из тех женщин, которые с удовольствием разыгрывают из себя дурочек, чтобы потом удивить собеседника либо неожиданной глубокой мыслью, либо небрежным упоминанием о своих академических достижениях.

– Ребенок – то есть отпрыск, дитя, потомок, наследник, преемник, – пояснил он.

– Поняла.

– Тебе не попадались такие книги?

– Не знаю, право, – пожала плечами Хоуп.

– Обычно эти книги не слишком известный человек пишет о своем прославленном родителе, хотя бывает и так, что знамениты оба. В одном или двух случаях ни автор, ни герой не пользовались популярностью, но жизнь отца оказалась настолько интересной, а текст настолько увлекательным, что мемуары все равно имели успех.

– У меня не хватает времени на чтение, – заявила Хоуп, промакивая тарелку хлебом, словно неделю го-

лодала. Глаза ее разгорелись от выпивки и еды, она пристально смотрела на Роберта. Глаза Джеральда, темно-карие, словно лакированная кожа, густая щетка ресниц. – Много лет ничего не читала, кроме папиных книг.

А это неплохо, подумал он, свежий подход, восприятие, не замутненное штампованными мемуарами.

– Ладно, читать ты не читаешь, – уступил он (ему принесли рыбу, а Хоуп телятину). – Но писать-то можешь?

Хоуп уставилась на опустевший графин, словно избалованная кошка – на миску, которую забыли наполнить. Постучав пальцем по графину, Роберт попросил официанта принести еще один.

– Напишешь мемуары об отце?

– Кто, я? – удивилась Хоуп.

Нет, с ожесточением подумал он, не ты – официант. Или тот парень в очках за соседним столом.

– О ваших отношениях, какими они были в раннем детстве, о том, что значит быть его дочерью. Да, и о его происхождении, детстве, из какой он семьи. Какие сказки он тебе рассказывал, в какие игры играл. – К его ужасу, в глазах, так похожих на глаза Джеральда, проступили слезы. Веки набухли. Она же ничего перед собой не видит, испугался Роберт. – Хоуп, дорогая, не надо, я не хотел расстраивать тебя...

Несколько слезинок выкатились, побежали по щекам. Хоуп смахнула их платком. Значит, правда, она предпочитает носовые платки. Хоуп скомкала кусочек ткани в ладони прежде, чем Роберт рассмотрел, есть ли там монограмма «X». Подкрепившись изрядным куском телятины, она ответила с набитым ртом:

– Я не умею писать. Напрочь отсутствует воображение.

Нужны факты, а не воображение. Ну да, какое-то воображение, чувства, разумеется. Безнадежно. Официант подлил ей вина в бокал. Хоуп проглотила его, словно томилась жаждой, и Роберт не к месту вспомнил тот эпизод в «Копях царя Соломона», когда Генри Кертис и капитан Гуд ползут по пустыне, чтобы припасть пересохшими ртами к мутноватой воде оазиса.

Хоуп застигла его врасплох вопросом:

– «Карлион Brent» собирается приобрести на это права? – В конце концов, недаром же она юрист.

– Насчет прав пока не знаю, – уклончиво ответил он. – Если бы книгу написали в том ключе, в каком нам хотелось бы, мы бы постарались ее опубликовать.

– Если бы ее написала я, вы бы публиковать не стали, – покачала она головой. – Возьму-ка я забальоне – нет, тирамису и «Стрега», кофе не надо, и побегу, вторая половина дня забита до отказа. Попробуйте

обратиться к моей сестре.

– Я подумывал об этом, но она всегда так занята.

– Вот спасибо! – возмутилась Хоуп. – А я, стало быть, праздная девица. Если хотите, я ей передам, может, она и возьмется.

Как ей удастся сохранить фигуру, дивился Постль, как ей удастся работать? Обе дочери Джеральда много пьют. Хоуп выпила больше литра вина.

– Она не так горюет о папочке, как я, – прибавила она.

Роберт смотрел ей вслед – идет прямая, как тростинка, и столь же неустойчивая. Ему припомнились мемуары осиротевших детей, весь спектр названий, от «Любимая мамочка» до «Когда ты видел отца в последний раз?» Классические произведения, например «Путешествие вокруг отца». Книга Джермен Грир⁴, восхитившая его проделанной детективной работой. Это напомнило ему о том письме в «Таймс» – дескать, Джеральд никогда не работал в «Уолтамстоу Геральд». Может, и чушь, но Роберту не верилось, что Джеральд учился в Тринити. Конечно, он об этом и словом не обмолвился, ни наедине с Джеральдом, ни перед другими, но было у него какое-то смутное предчувствие, что-то тут не сходилось.

---

⁴ Джермен Грир (р. 1939) – австралийская феминистка, автор нескольких книг о женской психологии.

Он оплатил счет и двинулся пешком в Блумсбери – Роберт Постль терпеть не мог такси.

5

«Психо» всего-навсего означает «относящийся к душе», но слова с этим корнем пугают нас, ассоциируются с насилием и безумием: психопат, психоз. Психопомп, сопровождающий души в подземное царство, представляется серой, нависающей тенью, не тонкой, не легкой – психопомп толст.

«Мольбы»

Сара годами уговаривала мать подстричься. Лучше поздно, чем никогда. Заглянув через плечо Урсулы в зеркало, она сказала, что понимает, почему люди подмечают в ней сходство с матерью. Теперь, когда Урсула выглядит привлекательнее, дочь не отрекалась от родства. Она впервые явилась домой после похорон, ходила по комнатам осторожно, растерянно оглядываясь.

Хоуп поплакала, но не слишком долго, и имела мужество признать собственную глупость. Папочка был бы ею недоволен, сказала она.

– Только это папочка не одобрял в тебе, – подхватила Сара. – Твою манеру все время плакать.

– Я не все время плачу. Когда я счастлива, то не

плачу.

Было бы несправедливо лишать их субботнего развлечения, и Урсула не рассчитывала, что девочки проведут вечер дома. Хоуп отправилась на вечеринку в Ильфракомбе, а потом в «На Запад!», Сара пила в Барнстепле. К шести часам они уже ушли, а Урсуле пора было собираться на работу. Ровно к семи ее ожидали в отеле, в номере 214. Это номер люкс – родительская спальня, детская спальня, а между ними ванная. Без вида на море, зато окна выходят на ухоженный сад перед отелем, а дальше виднелась дорога из Ильфракомбе во Франатон.

Родителей звали мистер Хестер и мисс Томпсон. Урсула не знала, оформили они брак или просто живут вместе. За десять дней их пребывания в гостинице она в третий раз являлась на дежурство, но родители едва достаивали ее словом, торопясь вниз, в бар, в столовую и на вечер в стиле кантри и вестерн в «Ланди Лонж». К ее приходу дети уже лежали в постели, телевизор в их комнате включен. Девочке шесть лет, мальчику – четыре.

В первый раз Урсула предложила почитать детям вслух, но мисс Томпсон уставилась на нее с явным недоумением. Есть же телевизор. Видеотека отеля щедро снабжает их детскими кассетами. Есть и второй телевизор, в большой спальне. Урсула пыталась

порой прикинуть, сколько телевизоров в «Дюнах». Сотни, должно быть. Почему-то ей это не нравилось.

Она прихватила с собой книгу, но прежде, чем усесться почитать, зашла в детскую поздороваться с малышами. Девочка улыбнулась, мальчик смотрел равнодушно. На мерцающем экране «Космические рейнджеры» принимали воинственные позы, размахивая мечами. Мальчик держал в левой руке маленькую желтую фигурку кого-то из рейнджеров. Когда Урсула вторично, на цыпочках, наведалась к детям, то потянула фигурку из некрепко сжатой ладони уснувшего мальчика, опасаясь, что ночью она вопьется в нежную щечку. Мальчик с воплем проснулся, судорожно нащупывая игрушку. Пришлось ее вернуть.

Урсула стояла у окна большой спальни, провожая глазами машины с отдыхающими. Вечер выдался теплый и солнечный, но днем шел дождь, с живой изгороди все еще капало. Трава приобрела густой зеленый оттенок, клумбы в саду стали слишком яркими, словно их покрасили. И снова Урсула спросила себя, зачем занимается этим, присматривает за чужими детьми, получая гроши? Ответа она не знала. Правда, это повод уйти вечером из дома, от всего, что постоянно напоминает ей о Джеральде. Столько его следов в доме – книги, рукописи, корректуры, бумаги...

А куда еще она могла пойти вечером? Навестить

соседей, которые наперебой приглашали ее к себе, и снова говорить о нем, отвечать на вопросы? Кино-театры? В окрестностях еще уцелело два – но какой смысл идти туда одной? Не в паб же, не в бар. Работа няни давала возможность провести спокойный вечер на нейтральной территории. Урсула критически оглядела комнату. Здесь ничто никому ни о чем не напомнит. Или у кого-то воспоминания связаны с этим пухлым бежевым ковром, с обтянутыми ситцем креслами, с розовато-бежевым в клеточку покрывалом на кровати, с двумя абстрактными картинами, выдержанными в розовых, голубых и золотистых тонах?

Ни книг, ни бумаг. Даже журналов нет. Урсула уткнулась в свою книгу. Хорошая книга, сама выбирала: Энтони Троллоп «Попенджой ли он?» Ей действительно хотелось почитать эту книгу, но сегодня никак не удалось сосредоточиться. Насколько мелодраматично будет – взять и избавиться от имущества Джеральда? Нужно ведь считаться с чувствами девочек. Но что делать со всем этим добром? Не далее, как сегодня утром, Урсула получила письмо из американского университета, в котором ее почтительно просили оказать им честь сделаться хранителями рукописей Джеральда.

– Папочкины рукописи! – возмутилась Хоуп, словно речь шла об осквернении могилы. – Нет, ты не мо-

жешь, ты не сделаешь этого!

– По крайней мере, сдери с них деньги! – посоветовала Сара. – Хотя, судя по моему опыту, легче выжать кровь из камня.

Хранитель университетской библиотеки похвастался, что ему удалось собрать обширнейшую коллекцию рукописей современных писателей. Университету уже принадлежали три рукописи Джеральда Кэндлесса, три драгоценных манускрипта с поправками автора, и хранитель мечтал заполучить что-нибудь еще. Урсула начала понимать, что нельзя попросту вырезать иностранные марки с конвертов, а содержимое выбрасывать. Придется читать почту и порой даже отвечать. И вот она прокралась – так Троллоп описывает обычную женскую походку, но в данном случае этот глагол на редкость уместен – в кабинет Джеральда и открыла шкаф, где хранились рукописи.

Но сперва она помедлила на пороге, оглядывая комнату чуть ли не со страхом. Здесь все пропитано Джеральдом, его мощным, пугающим присутствием. Тело под землей, а личность осталась здесь, привязанный к земле дух. Как он однажды выразился в своей рукописи, на одной из исписанных корявым почерком страниц, которые она так усердно разбирала, перепечатавая? Пришлось поискать это слово в «Энциклопедии Чемберса» – там его не оказалось, – по-

том в кратком Оксфордском словаре. Там оно значилось: «психопомп». Проводник душ умерших в подземный мир. Здесь, в кабинете Джеральда, она явно ощущала, что психопомп еще не приходил за ним. Что-то ему мешает. Быть может, неукротимая энергия Кэндлесса, этот пристальный взгляд темных глаз, это навязчивое присутствие, сексуальность, неизжитая даже с возрастом, даже после долгого воздержания.

Ее пробрала дрожь. Джеральд говорил: не бывает, чтобы человек содрогнулся от потрясения, от какого-то неприятного открытия, это выдумка романистов. Но Урсула дрожала и понимала: озноб не пройдет, пока она не выйдет из кабинета. Нужно вынести отсюда самое ценное – рукописи, заметки, первые издания, а потом запереть дверь и выбросить ключ. Запереть дверь, вызвать плотников, поручить им убрать дверную раму, заложить дверь кирпичом и заклеить сверху обоями, превратить кабинет в потайную комнату, запечатанную, со временем – забытую. Она догадывалась, что сказали бы по этому поводу девочки.

Пока родители живы, дети остаются детьми. Родительский дом по праву принадлежит им, сентиментальный храм их сердец. В любой момент они могут вернуться сюда, найти здесь убежище, хотя у них давно есть собственные квартиры. Сара и Хоуп рвут-

ся поучать мать, как обустроить в дальнейшем Ланди-Вью-Хаус. Кабинет для них – святая святых. Хоуп охотно превратила бы его в часовню.

Наконец Урсула открыла шкаф и заглянула внутрь. Там оказалось больше бумаг, чем она помнила, – рукописные черновики Джеральда, ее перепечатки, наброски незаконченных романов, порой всего одна или две главы. С ним такое случалось: начнет новую вещь – и тут же она приестся или не пойдет. Тогда он злился, ходил надутый, пока не появлялась идея получше. Урсула и не думала винить его за это, в те годы ей и в голову не приходило упрекать его за периоды плохого настроения, но Джеральд счел нужным пояснить: «Это моя жизнь, понимаешь? Другой у меня не будет. Вся моя жизнь вложена в это».

Она не вполне понимала, что он хотел сказать. Разве он не достиг успеха, славы, денег, разве у него нет жены, дочерей, дома?

– Я вложил свою жизнь в это, – повторил он. – Иначе мне было не спастись. Когда работа останавливается – это смерть. Я умираю. Потом воскресая. Но сколько раз можно умереть до того настоящего, последнего раза? Скажи, если знаешь.

«Это» – так он называл свою работу. Краткое, очищенное от определений местоимение.

Здесь, среди черновиков, превратившихся в опуб-

ликованные книги, не менее десятка его «смертей». Урсула перевела взгляд на рабочий стол и кое-что заметила: корректура, которую он правил в день своей смерти, по-прежнему лежала слева от машинки, но груда бумаг, высившаяся в тот день справа, исчезла. Хоуп ничего не смогла сказать матери по этому поводу, говорила только, что в кабинет не заходила, ей этого не вынести, а Сара даже не поняла, о чем речь. Дафна Бетти, хотя и разумная женщина, восприняла бы расспросы как обвинение в воровстве. Можно подумать, она покуится на сотню страниц неразборчивой машинописи!

Сидя в гостиничном номере, Урсула постаралась выбросить из головы мысль о пропавшей рукописи и прочесть первую главу Троллопа. Она уже читала этот роман, но перечитывала с удовольствием. В девять часов она заглянула в детскую. Ее подопечные крепко спали, мальчик прижимал к губам руку с игрушкой. Урсула выключила телевизор и вернулась в родительскую спальню. Там она оставалась, читая и размышляя, до половины одиннадцатого, пока не вернулись мистер Хестер и мисс Томпсон.

На первый взгляд предложение показалось ей неприемлемым, из тех идей, которые вроде бы не причинят никому ущерба, даже не поставят в нелов-

кое положение, но почему-то пугают.

– Роберт Постль хочет, чтобы ты написала воспоминания об отце?

– Сначала он обратился к Хоуп, – уточнила Сара. – Не знаю уж, с какой стати. Тебя он просить не станет, вся идея в том, чтобы о знаменитом человеке написал кто-то из его детей.

Дочери даже не поинтересовались, не удручает ли ее разговор о покойном муже. И хорошо, что Роберт Постль не обратился со своим предложением к ней, а то как бы с ее языка не сорвалась грубость или опрометчивые слова, о которых Урсула могла пожалеть впоследствии.

– Ты этим займешься?

– Я решила попытаться. Может, это как раз для меня.

Урсула прекрасно понимала дочь. К тридцати двум годам, после семи лет преподавания в Лондонском университете, Сара сумела опубликовать всего одну книгу – свою докторскую диссертацию. Воспоминания об отце вряд ли могли заменить ученый труд и повысить ее академическую репутацию, но с их помощью она могла добиться кое-чего поважнее: предстать перед публикой, составить себе имя. Если повезет, книга станет бестселлером. Сара заговорила о современной моде на биографии знаменитых родителей, при-

вела известные примеры, но Урсула и так уже знала, о чем речь. Оставалось только надеяться, что лично от нее много не потребуют.

– Начну на следующей неделе, так что до начала семестра у меня в запасе два месяца.

– Начнешь писать?

– Сперва нужно собрать кое-какой материал.

Урсуле хотелось, чтобы дочери хоть иногда называли ее мамой, мамочкой или по имени, против этого она не возражала. Сара порой окликала ее «Ма!», но Хоуп, после того как Джеральд объявил «мамулечку» слишком детским словом и посоветовал придумать другое обращение, вообще никак не называла мать. Другое обращение так и не нашлось, хотя Сара придумала вариант, не слишком, впрочем, во вкусе Урсулы. И все же она радовалась – несоразмерно, унизительно радовалась этому «Ма!», слыша его примерно один раз за визит.

– Нужно разобраться с происхождением отца, его родственниками, установить, по возможности, предков. Я почти ничего не знаю про его родителей, наших бабушку с дедушкой. Его звали Джордж, а ее Кэтлин, они жили в Ипсвиче. Он был типографом, а она медсестрой. Об этом упомянуто в некрологе, напечатанном в «Таймс».

– И в его свидетельстве о рождении, – подсказала

Урсула.

– Верно. Надо взглянуть на него. Бабушка с дедушкой умерли задолго до нашего рождения, так?

– Еще до того, как мы поженились, – ответила Урсула.

– Он рассказывал нам о своем детстве, когда мы были маленькими. Ты знала об этом? Фантастические истории про то, каким он был мальчиком, сплошные выдумки, мы даже тогда это понимали: мальчик умел летать, проплывал несколько миль под водой, а в одной сказке его матерью была русалка.

– Я помню про трубочиста, – кивнула Урсула.

– Ну конечно. Наша любимая, – вздохнула Сара. – Он был единственным сыном, ни племянников, ни племянниц мы не найдем, но, может, остались двоюродные? Скорее всего, да. У Джорджа и Кэтлин были же братья и сестры. Кэндлесс – редкое имя. Если мы разыщем людей с такой фамилией в справочнике Ипсвича, это, скорее всего, родственники. Не знаю только... Он когда-нибудь упоминал о дядях или тетях?

– Не припомню.

Сара попросила настойчивее:

– Постарайся вспомнить, ладно? Подумай хорошенько. Мне все пригодится. И как вы с папой познакомились – кажется, он выступал с лекцией в каком-то клубе, куда ты ходила? Мне нужно поговорить с то-

бой. Ты постарайся побольше вспомнить к моему следующему приезду, ма?

Как будто она не думала об этом постоянно, не вспоминала чаще, чем самой бы хотелось, упрекая, винясь, сожалея.

– У вас было счастливое детство? – спросила она Дафну Бетти и сама удивилась тому, как невзначай вырвался у нее этот вопрос.

– Конечно. Детство – лучшие годы жизни. – И Дафна запела: – «Там в Теннесси, у мамочки на коленях...» – Но тут же оборвала песню, завздохала: – Правду говорят эти старые песни. Хоть и не в Теннесси, конечно, в Вестон-супер-Мар.

– Полагаю, Вестон звучит вполне экзотично для тех, кто родился в Мемфисе, – утешила ее Урсула, – или, скажем, в Пурли.

Пурли. Симпатичный пригород, чистый, безопасный, уютный, с видом на зеленые холмы. И почему люди смеются над пригородами? Почему Джеральд смеялся? Там она родилась, младшая дочь, последыш, брату Яну к тому времени уже сравнялось двенадцать, сестре Хелен – десять. Хотя Урсула была «прибавочкой», а возможно, и случайностью, родители любили ее, ласкали, баловали и старались беречь. Герберт Вик был строителем, он сделал деньги на по-

слевоенном строительном буме, и хоть не стал чересчур богат, к тому времени, как Урсуле исполнилось пятнадцать, нажил вполне приличное состояние. Тогда-то Герберт и его супруга переехали из коттеджа на Кройдон-энд в большую усадьбу – или «ранчо» – на Кулсдон-энд.

Урсула училась в муниципальной школе Пурли, сдала восемь промежуточных экзаменов, а спустя два года – три выпускных, получив две четверки и тройку. Директор советовал ей поступать в университет, но Урсуле не хотелось покидать родной дом, к тому же, как напоминал отец, много ли пользы принесли Хелен два курса Лондонского университета, если сразу по окончании колледжа она выскочила замуж? Вот курсы стенографии и машинописи – другое дело, ремесло всегда пригодится, а выучившись, она получит место в «Г.П. Вик и Ко.», в симпатичном маленьком офисе-коттедже на Хай-стрит в центре Пурли.

Курсы машинописи пришлись Урсуле не по вкусу, но учеба длилась недолго, а работа в фирме отца оказалась, по ее понятиям, вполне приятной. Отец отвозил ее утром в офис, привозил домой на ланч, а дважды в неделю разрешал не возвращаться на работу во второй половине дня, потому что на целую неделю дел для нее не хватало. Тогда они с матерью отправлялись на долгие прогулки.

Вокруг Пурли еще оставались красивые незастроенные места, хотя Герберт Вик лез из кожи вон. Порой они доходили до Фейрдин Даунс или Кенли Коммон. Раз в две недели Бетти Вик ездила за покупками «в город», то есть в Вест-энд, и Герберт неизменно предоставлял дочери отгул, чтобы она могла поехать вместе с матерью. Они садились на поезд в Пурли и ехали до Лондонского моста или до Ватерлоо.

И мать, и дочь часто посещали публичную библиотеку, Бетти состояла секретарем Ассоциации читателей Пурли. Урсула всегда любила читать и в ту пору проглатывала по пять-шесть книжек в неделю. Только романы. Теперь, без малого сорок лет спустя, она понимала, что никакой другой литературы тогда не знала. Разумеется, существовали учебники и научные книги, она видела в библиотеке полки мемуаров, поэзии и драмы, но, словно слепая, проходила мимо них.

Девушка читала детективы, дамские романы, приключенческие и исторические книги. Вот почему Бетти и Урсула решили пригласить Колина Райтсона выступить на ежегодном собрании Ассоциации – обе они обожали его романы о королеве Виктории, викторианском Лондоне, императрице Евгении, о дамах и джентльменах, изящно влюблявшихся в английских усадьбах.

Тихая, налаженная, без приключений, жизнь. Через

субботу Герберт, Бетти и Урсула ездили в Сайденхем выпить чаю с Яном и его женой Джин в уютном новом домике (который построил Герберт, и он же гарантировал ссуду, а Ян выплачивал проценты банку, где работал). После чая всей семьей ходили в кино. Кроме этого Бетти и Урсула ходили в кино каждую неделю без Герберта, на ранний сеанс, и возвращались домой за светом, чтобы приготовить ужин. Изредка Урсула ездила в Уимблдон к Хелен, иногда оставалась на ночь. У Хелен родился сын Джереми, и она снова была беременна. Урсула вела столь размеренную жизнь, что даже эта поездка с ночевкой, самостоятельное путешествие с чемоданчиком – а еще надо пройти пешком от станции и в урочный час позвонить в дверь Хелен, – все это казалось опаснейшим взрослым приключением, требовавшим отваги.

Раз в году родители и Урсула отправлялись в отпуск. Почти всегда они выбирали остров Уайт, но не обязательно одно и то же место. Однажды съездили во Францию, на юг, но там им не понравилось, так что на следующий год они вернулись в Вентнор. На Рождество собирались все вместе: Ян с Джин, Хелен с Питером и Джереми, а потом и с крошкой Полин. Хелен попросила Урсулу стать крестной матерью Полин, и Урсула, обрадованная, польщенная, тут же согласилась.

Мало кто настолько меняется, пусть и за сорок лет, размышляла теперь Урсула. Да, конечно, люди меняются внешне. Хелен, например (хотя Урсула никогда бы ей об этом не сказала), в шестьдесят семь лет столь разительно отличается от себя тридцатилетней, что эти два лица, старое и молодое, вполне могли бы принадлежать двум разным, даже не состоящим в родстве женщинам. Двум женщинам разных рас могли бы принадлежать эти тела, столь несхожие объемами, ростом, цветом кожи и чертами лица – ничего общего. Разумеется, то же самое (за исключением роста и веса) можно сказать и о ней. Но Урсулу удивляли не физические перемены.

Она была тихой, совершенно невинной и невежественной, довольной собой, уступчивой, привязчивой, всему радующейся, застенчивой, но веселой девушкой. Страусом, спрятавшим голову в песок. Никаких амбиций. Никакого представления о жизни. Ее не следовало выпускать на улицу одну. Теперь она избавилась от неведения, с ее невинностью жестоко расправились, об уступчивости можно и не вспоминать, привязанности загублены, умение радоваться померкло, веселое расположение духа сменилось настороженной и ироничной сдержанностью. Да, она изменилась так, что и не узнать.

Она была хорошенькой девушкой. Именно хоро-

шенькой, не красавицей. Кошачье лицо с мелкими чертами, серо-голубые глаза, светлые волосы – коротко постриженные, с перманентом. Хорошая фигура и, по словам матери, недурной бюст. Отец платил ей щедро – до смешного щедро, как она поняла спустя годы, – и благодаря регулярным походам по магазинам недостатка в нарядах она не испытывала. Ничего супермодного, дерзкого, из ряда вон выходящего – юбки в складку пастельных, розовых и желтых оттенков с водолазками в тон, несколько твидовых костюмов, приталенные вечерние платья с длинной юбкой для отпуска на острове Уайт и невероятное количество обуви. У нее никогда не было парня.

Несколько раз ее приглашали на свидания. Мужчина, с которым она познакомилась на танцах в Вентноре. На следующий день он сводил ее в кино, однако по возвращении домой она не стала переписываться с ним. Хелен пригласила одного из коллег Питера к обеду специально, чтобы познакомить его с сестрой, и тому она явно приглянулась. Они опять-таки сходили в кино, потом покатались в его машине, но Урсула рассердилась, когда кавалер попытался ее поцеловать, и в следующий раз попросила маму ответить за нее по телефону и сказать, что она уехала. У нее почти не было знакомых мужчин, а те, что имелись, не дотягивали до ее тайного романтического идеала.

В школе, готовясь к промежуточным экзаменам по английской литературе, Урсула прочла «Шерли» Шарлотты Бронте и надолго разлюбила викторианские романы. «Джейн Эйр» она прочла только потому, что книга оказалась под рукой, а она слегла с простудой, и больше читать было нечего. До тех пор ее героиней, женщиной, на которую она хотела походить, с чьим мужем хотела обвенчаться, являлась рассказчица в «Ребекке» Дафны Дюморье. Но отныне Урсула предпочла ей «Джейн Эйр». Едва закончив книгу, она поняла, что будет искать собственного мистера Рочестера.

За два дня до того, как Колин Райтсон должен был приехать и выступить с лекцией, его жена позвонила Бетти Вик и сообщила, что он сломал лодыжку. Стоял исключительно холодный январь, Колин поскользнулся на обледеневшей дорожке в саду, когда шел подсыпать орехов в кормушку для птиц. Миссис Райтсон принялась подробно объяснять, что обычно ее муж этого не делает, птиц кормит она, но именно в этот раз, бог знает почему, он взял пакетик с орехами, вышел в сад, поскользнулся и сломал кость в двух местах.

Годы спустя, оглядываясь на прожитую жизнь, Урсула часто размышляла над загадкой обледеневшей тропинки в саду и желанием покормить птиц, внезапно возникшим у человека, который обычно птиц не

кормил. Что, если бы он поразмыслил и решил дождаться возвращения жены, занялся чем-нибудь другим и забыл про кормушку? Предположим, как раз в тот момент, когда он выходил, зазвонил бы телефон. Или Колин шагал бы осторожнее, обходя снег и лед, ступал бы по траве. Вся ее жизнь сложилась бы иначе. Вся жизнь Урсулы определялась тем, что незнакомый ей человек вышел в сад и поскользнулся на льду. Если бы он не поскользнулся, она бы вышла замуж совсем за другого человека, жила бы в другом месте, родила бы других детей. Может, даже была бы счастлива. Страшно подумать.

Миссис Райтсон – тогда Урсула еще не знала, что ее зовут Салли, – рассыпалась в извинениях. Она искренне сожалела, Колин чувствовал себя виноватым перед членами Ассоциации читателей, он вовсе не хотел их подвести, и попросил своего друга, тоже писателя, заменить его. Джеральд Кэндлесс – несомненно, миссис Вик знакома с его книгами не хуже, чем с работами самого Колина. Нет, миссис Вик не была с ними знакома. Но, оглянувшись на дочь, которая усердно кивала головой, сказала: «Да, конечно, замечательно, огромное спасибо, и будем надеяться, мистер Райтсон скоро поправится».

– Ты что-нибудь читала из его книг? – спросила Бет-

ти Вик, положив трубку. – Я – точно нет. Разве что слышала о нем.

Урсула не понимала, что заставило ее кивнуть, с какой стати она этим кивком побудила мать согласиться на замену.

– Я читала «Центр притяжения», – сказала она.

Книга ее шокировала, но в этом Урсула признаваться не стала. Она чувствовала себя неловко, осталась неудовлетворенной. Не в сексе дело, хотя отчасти, конечно, в нем, поскольку автор, по-видимому, полагал, будто люди имеют право заниматься любовью с кем хотят, хоть всю ночь напролет не ложиться спать и вести удивительную, полную приключений жизнь. Молодые моряки у него терзались животными страстями, а семейный очаг превращался в источник страданий. Несколько раз во время чтения Урсуле приходилось напоминать себе, что настоящая жизнь не такова, настоящая жизнь – та, которой живет она. Настоящие люди не делают сексуальных намеков, не ругаются, не рассуждают о страсти и смерти. И все же роман смутил ее, поэтому больше книги Джеральда Кэндлесса она из библиотеки не брала.

А теперь пришлось. Урсула взяла две книги (всего нашлось три) и допоздна засиделась над ними. Они произвели то же впечатление, что и «Центр притяжения» – смутили, оставили неудовлетворенной, од-

нако к этим чувствам примешивалось что-то новое. Неужели она неверно строит свою жизнь, неужели растрачивает зря? Неужели этот вымысел – правда? Он был пугающе реалистичен, более убедителен, чем триллеры и дамские романы. Книги Кэндлесса словно открывали перед ней дверь, и она могла заглянуть внутрь, в мир, где реальные люди живут реальной жизнью. Как ему удастся так действовать на читателя?

Родители Урсулы и еще один член Ассоциации читателей собирались по окончании мероприятия пригласить Колина Райтсона на ужин. Присмотрели небольшой французский ресторанчик, Герберт и Бетти Вик заглянули туда заранее, оценили кухню. Теперь ужинать в «Лекю Руж» предстояло Джеральду Кэндлессу. Урсула тщательно обдумала свой наряд. Платье из тафты, пожалуй, чересчур, в твидовом костюме она будет выглядеть так, словно собралась в путешествие. Наконец Урсула остановилась на бледно-голубой плиссированной юбке и джемпере, под который надела голубую в белую полоску шелковую блузу. Модницы в ту пору красились беспощадно, однако Урсула не накладывала так много косметики, как другие девушки, потому что отец подшучивал над ней, спрашивал, не лазила ли она в банку с вареньем и не целовалась ли с пожарной машиной.

На обороте суперобложки оказалась фотография Джеральда Кэндлесса, лицо вполоборота, частично затененное, темные кудри спадают на лоб. Урсуле он показался высокомерным, умным, самоуверенным, пугающим, к тому же ему не мешало бы побриться. Она представления не имела, о чем говорить с человеком, который так выглядит, тем более – с автором этих книг. Она будет чувствовать себя круглой душой, думала Урсула. Нужно пореже открывать рот, возможно, он не обратит на нее внимания.

Джеральд опоздал. Задержался всего минут на пять, но библиотекаря и дамы из комитета уже с ума сходили. Урсула сидела в середине первого ряда – ей велели сесть там – сложив руки на коленях, плотно сжав перекрещенные лодыжки. Ее замшевые туфли тоже были голубыми. Сидя в этой спокойной, ненапряженной, неизменной позе, она уже начала надеяться – нехорошо, с ее стороны, когда библиотекаря, и мама, и члены комитета извелись, – что Джеральд Кэндлесс не появится.

Но он явился. Ехал на машине и заблудился. Урсула думала, он наденет костюм, но писатель поднялся на сцену в старой коричневой спортивной куртке, свитере и горчичных вельветовых брюках. Длинные волосы. Тогда длинные волосы еще не вошли в мужскую моду, а у него они спадали на плечи, словно у

женщины, густая, темная, упругая копна волос.

Урсула узнала своего мистера Рочестера – не из книги Шарлотты Бронте, а Орсона Уэллса из фильма. Лицо не такое полное, как у актера, рот не похож на розовый бутон – широкий, с изогнутыми кончиками, – но это был ее мистер Рочестер, и Урсуле стало страшно. Другая девушка, девушка другого склада, воспользовалась бы моментом, чтобы привлечь внимание мужчины, очаровать его, соблазнить, завладеть. Урсула не знала, как это делается, к тому же, была напугана. Она бы и слова из себя выдавить не осмелилась.

Джеральд заговорил. Он рассказывал, как пишет, что побуждает его писать, о чем еще предстоит сказать. Урсула почти ничего не воспринимала. Он заговорил о теории Фрейда, поскольку она затрагивалась в одной из его книг, и аудитория ахнула, но Урсула не могла потом отчетливо вспомнить, что он сказал. Когда лекция закончилась, библиотекарьша передала Урсуле записку и велела задать вопрос. Обернувшись к ней, Урсула яростно замотала головой. Она бы скорей умерла. Одна женщина спросила, пишет он от руки или на машинке. Другая – аудитория преимущественно состояла из женщин – попросила совета для начинающих авторов.

– Не беритесь! – обрубил он.

Снова изумленные вздохи, смешки, хотя лаконичный ответ явно пришелся не по душе. Урсула поглядела на оратора – не добавит ли он что-то к своим словам, – и обнаружила, что он смотрит на нее. Глаза их встретились, и тут произошло нечто удивительное. Джеральд подмигнул ей. Слегка, это больше походило на произвольный тик. Почудилось, уговаривала себя Урсула – и все же покраснела, залилась густым, неприличным румянцем, готова была спрятать лицо в ледяных ладонях, но не здесь же, не перед ним. Я никогда не осмелюсь и слова ему сказать, подумала она, чувствуя, как постепенно сходит со щек жар. Лучше бы мне не ходить в ресторан, лучше бы вернуться домой и лечь в постель с хорошей книгой, с «Верной нимфой» или с «Бухтой пирата».

В ресторане она хотела устроиться подальше от гостя – насколько это возможно, когда шестеро человек рассаживаются за круглым столом, – и оказалась напротив. Он много пил, ел мало. Когда Кэндлесс спросил еще бутылку красного, библиотекарша встревожилась, но мистер Вик кивнул, и Урсула догадалась, что отец заплатит.

Мать и библиотекарша упорно переводили разговор на творческий процесс, хотя могли бы заметить – как давно заметила это Урсула, – что гостю не нра-

вится говорить о своей работе. Чем меньше Урсула говорила – она ограничивалась лишь ответами на вопросы, что ей заказать, да попросила передать воду, – тем внимательнее Джеральд присматривался к ней. Сначала он только улыбался и спрашивал, не передать ли ей что-нибудь еще, но потом, уклонившись от совсем нелепого, на взгляд Урсулы, вопроса о том, где он черпает идеи, писатель решительно повернулся спиной к библиотекарше и без дальнейших предисловий спросил Урсулу, кто она такая и чем занимается.

Она мечтала, чтобы в тот момент обрушился потолок, погребая их всех, или хозяин ресторанчика вбежал, восклицая, что в подвале обнаружена бомба и у них остались считанные минуты для бегства. Но бомб тогда еще не подкладывали, и потолок не собирался валиться им на головы. В отчаянии Урсула уговаривала себя – она никогда больше не встретится с этим человеком, не все ли равно, что он про нее подумает, – и еле слышным голосом ответила, что живет с родителями в Пурли и работает в фирме отца.

– Помолвлены с кем-нибудь?

Девушка покачала головой, вновь заливаясь румянцем.

– Прошу прощения. Я думал, уже.

Почему он так думал? Отец подсказал ответ:

– Слишком хорошенькая, чтобы не нашелся жених.

– Вот именно, – хладнокровно отвечал Джеральд

Кэндлесс.

Но его взгляд, устремленный на Урсулу, показался девушке чуть ли не влюбленным.

Это задним числом она поняла, что он попросту оценивал ее, прикидывал, а тогда она об этом и не догадывалась. Больше она никогда не видела на его лице выражение нежности. Потому ли, что в нем не было больше надобности, раз он принял решение не щадить ее? Мясник ласкает теленка, пока откармливает. Медведя прикармливают медом, пока не заманят в ловушку.

Никогда не страдавшая бессонницей, в ту ночь Урсула не могла уснуть. Вспоминала, как отец назвал ее хорошенькой, и ежилась, ежилась от смущения на узкой девичьей постели, где с золотистого карниза свисал белый в розочках полог. Как глупо выглядела теперь эта комната – белый ковер, картины Сесилии Мэри Бейкер, тюлевые занавески. Он впишет ее в новую книгу, глупая и робкая девица составит фон для бесстрашной героини.

На следующий день Джеральд позвонил. Сначала – Бетти, спросил разрешения поговорить с Урсулой. Мать дала ему номер офиса «Вик и Ко».

– Я сказал вашей матери, что хотел бы поблагода-

рить вас за вчерашний вечер.

– Не меня, – прошептала она, враз охрипнув. – Это их надо благодарить.

– О нет, вас.

Возразить было нечего. Сердце сильно билось.

– Я хотел бы воздать ту же честь. Кажется, так говорят?

Урсула искренне ответила:

– Не знаю.

Что она знала?

– Я прошу вас поужинать со мной.

Современный английский не слишком удобен: в нем нет отдельной формы для единственного и множественного числа второго лица. Французский или немецкий в этом смысле гораздо удобнее. Устаревшее «ты» сразу прояснило бы дело. Но сейчас 1962 год.

– Вы согласовали день с моей матерью? – спросила Урсула. – Как правило, родители по вечерам свободны, и я тоже.

Он рассмеялся:

– Я имел в виду вас. Лично вас. Вас, и никого другого. Только вы и я.

– О!

– Мне бы хотелось пригласить вас на ужин, Урсула.

– Не знаю, – шепнула она, чуть не заикаясь. – То

есть да, конечно. Непременно. Большое спасибо.

– Отлично. Когда вам удобно? Выбор за вами. Все ее вечера оставались свободными, а если что-то и намечалось, эти мероприятия можно перенести без особых хлопот.

– В пятницу, – сказала она. – В субботу. Мне все равно.

– Ваше имя означает «медвежонок», вы знали об этом?

Тогда не знала. Она выдохнула короткое дрожащее «нет».

– Я заеду за вами в субботу вечером, Урсула. Она не знала, что ответить. Поблагодарить? Но прежде, чем она вымолвила хоть слово, Джеральд повесил трубку.

Мед для медвежонка.

6

Маленькие дети – часть нас самих, но, вырастая, они превращаются в других людей.

«Бумажный пейзаж»

Нашелся только один Кэндлесс. Сара просмотрела в местной библиотеке телефонный справочник Ипсвича и обнаружила Дж. Дж. Кэндлесса на Крайстчерч-стрит. Записала адрес и телефон. Замысел книги все более увлекал ее, гораздо сильнее, чем Сара ожидала от себя. Какие-то фрагменты она уже набросала, хотя полагала, что записывать без плана самые любимые рассказы отца и связанные с ним воспоминания неправильно: нужно действовать методично: сначала провести исследование, потом всерьез взяться за работу. Сейчас этап сбора материала, Сара пошла в библиотеку и отыскала родственника. Вероятного родственника, поправились она. Человек с академическим складом ума не делает поспешных выводов.

Вот что такое подлинный энтузиазм: она готова часами заниматься своей книгой. Когда некто Адам Фолли, с которым Сара познакомилась в пабе Барнстепла, позвонил и пригласил ее на свидание, она отказа-

лась, потому что хотела заняться подбором материала.

Голос Адама возбуждал, но вопреки себе Сара сказала «нет», и довольно прохладно. После этого из голоса мужчины также исчезла теплота, и попрощался он почти грубо. Саара пожала плечами, не особенно сожалея. Теперь надо позвонить этому самому Дж. Дж. Кэндлессу из Ипсвича. По пути домой Сара купила в книжном магазине карту Ипсвича. Она не упускала из виду мелочи. Так или иначе, ей предстоит съездить в эти места – может, уже на этой неделе.

Квартира Сары располагалась на верхнем этаже викторианского особняка, огромная мансарда с застекленной крышей. Чтобы попасть сюда, приходилось подниматься на сорок восемь ступенек. Сара ничего не имела против: обычно она пробегала все ступеньки, или, по крайней мере, три десятка из них. Дверь в ее квартиру выкрашена темно-лиловой краской. Комнаты, пусть и немногочисленные, просторны: гостиная, перестроенная из трех чердаков для прислуги, спальня чуть поменьше гостиной, кухня в тех же лиловых тонах, что и дверь, и ванная. За новыми большими окнами (вставленными по настоянию дорогого папочки и им же оплаченными) открывался вид на Примроуз-Хилл, зеленый склон, зеленые деревья, ряды серых и коричневых домов, белых и желтых ба-

шен, упиравшихся в голубое небо. По ночам пейзаж переливался черными и желтыми тонами.

Сара глянула в зеркало, проверяя, идет ли ей новый цвет волос, приобретенный нынче утром в Сент-Джонс-Вуд. Не слишком ли отдает в рыжину? Главное, уменьшает сходство с матерью. Как большинство женщин – за исключением Хоуп, разумеется, – собственная внешность Сару не удовлетворяла, она предпочла бы походить на какую-нибудь черноволосую красотку вроде Стеллы Теннант или Деми Мур. Мелкие аккуратные черты лица – какое мещанство! Рот похож на бутончик, слишком короткий и прямой нос, глаза чересчур серые. Она всерьез подумывала купить коричневые линзы.

Поскольку черты лица казались Саре скучными и мещанскими, как у фермерши, одевалась она эксцентрично и с вызовом. Всегда носила высокие каблуки, иногда – широкие и высокие каблуки, ботинки на толстой подошве, наряжалась во все черное, с бахромой и красными бусами. Больше всего она гордилась своими волосами, никогда не прятала их под шляпу, как Хоуп, хотя порой скрепляла большой черепаховой заколкой.

Распахнув окна, Сара сбросила туфли и налила в высокий стакан «шардонне». Бутылка стояла на солнце и нагрелась до той температуры, какую пред-

почитала Сара. Лед она терпеть не могла. Она растелила карту на столе. У некоторых районов Ипсвича такие странные названия! Гейнсборо, Галифакс и – подумать только! – Калифорния. Почему квартал в городке Восточной Англии получил имя «Калифорния»? А что, если отец родом именно отсюда?

Он снова заглянула в свидетельство о рождении. Нет, Джеральд родился на Ватерлоо-роуд, в квартале без названия. Недавно Сара обзавелась большим блокнотом, из которого можно выдирать листы и, открыв его, написала на первой странице, словно заготовку генеалогического древа: Джордж Джон Кэндлесс, р. 1890, ж. Кэтлин Митчелл, р. 1893. Она провела вертикальную линию под этими именами и подписала еще одно: Джеральд Фрэнсис Кэндлесс, р. 1926.

Крайстчерч-стрит, где проживал единственный обнаруженный Кэндлесс, находилась неподалеку от центра города, возле большого парка. Сара еще раз всмотрелась в инициалы. Дж. Дж. – Джордж Джон? Не делай поспешных выводов, одернула она себя, и отпила вина. Братьев и сестер у отца не было, так что этот человек не приходится ей даже двоюродным братом. Возможно, сын брата старого Джорджа Джона. Что получается – троюродный брат, двоюродный дядя? Нужно разобраться.

Когда они с Хоуп были подростками, бабушка Вик

попыталась привить им интерес к предкам. Во время визитов в Ланди-Вью-Хаус она привозила с собой старые альбомы со снимками сепией и более поздние, с черно-белыми фотографиями: внучкам вменялось смотреть на эти лица, спрашивать, кто есть кто, и впитывать, запоминать имена прадедов и прабабушек, а также, пусть не столь надежно, двоюродных бабушек и дедушек. Девочки отчаянно скучали, к тому же они обзавелись амбициями, усердно учились, и не видели в этих сведениях никакого проку для своей карьеры и будущего.

Они бы проявили больше любознательности, если бы отец поощрял их, но он занимал точно такую же позицию. Сара отчетливо помнила его слова: «Вы не аристократы. Ваш отец выходец из рабочего класса в первом поколении, ваша мать – во втором. А ваши предки, как и предки большинства людей, были слугами, батраками, пролетариями. Какой смысл запоминать, кто кем был, и снабжать эти уродливые физиономии именами?»

Точно, уродливые, подумала Сара, смутно припоминая женщин с рыхлыми, словно пудинг, лицами, с волосами, уложенными наподобие хлебной лепешки, с телами, затянутыми в корсеты. А у мужчин ни рта, ни скул не разглядеть из-под обвисших усов и нелепо подстриженных бородок. Теперь ей не назвать да-

же Урсулиных бабушку с дедушкой, и, пожалуй, Сара сожалела об этом. Если бы она восприняла от Бетти Вик «линию прялки», отец, наверное, познакомил бы ее с «линией шлема» (слушательницы курса «Место женщины в мире» были бы шокированы, узнай они, что их преподавательница, пусть и наедине с собой, прибегает к сексистской терминологии). Но отец, насколько помнила Сара, ни разу не заговаривал о дяде или тете. Родственники такая скука, заявлял он. Мы их не выбираем, их нам навязывает судьба, и лучший совет – отделайтесь от них поскорее.

Хоуп, умница и развитая не годам, возразила:

– Но ведь о твоих детях можно сказать то же самое, папочка!

У него ответ был наготове:

– Нет, своих детей я выбрал сам. Я женился, выбрав привлекательную и здоровую молодую женщину. Я решил: заведу двух детей, с разницей в два года, двух девочек, двух красавиц и умниц. Так я и сделал. Так что про вас не скажешь, что я вас не выбирал.

После этого возражать было нечего. Подлив в бокал вина, Сара вновь принялась думать об отце. Как рано он ушел! Применительно к другому человеку семьдесят один год – подходящий возраст, чтобы умереть, но ее отец мог бы прожить еще лет пятнадцать, она рассчитывала на это, надеялась, что он будет с

ней, пока она не вступит в зрелый возраст. Вздохнув, Сара бросила взгляд на часы. Около шести. Пора звонить Дж. Дж. Кэндлессу или не пора?

Вполне вероятно, он работает в офисе, в страховой конторе или в строительной фирме, с девяти до пяти, рассуждала она. Домой добирается пешком или проезжает несколько остановок на автобусе. Сейчас он уже дома, но еще не сел за стол. Сара набрала номер. Сосчитала четыре гудка.

Ответил мужской голос. Вместо «алло» он доброжелательно назвал все одиннадцать цифр своего номера.

– Мистер Кэндлесс?

– Да.

– Мистер Кэндлесс, мы с вами не знакомы, но моя фамилия тоже Кэндлесс. Сара Кэндлесс. Мой покойный отец – Джеральд Кэндлесс, писатель. Полагаю, вы о нем слышали.

Минутная пауза.

– Нет. Боюсь, что нет.

Невероятно! Он что, читать не умеет? Какой-то жалкий тупица. Надо избегать в разговоре с ним длинных ученых слов:

– Я исследую... то есть пытаюсь найти сведения о семье моего отца. Он родом из Ипсвича. Вы единственный Кэндлесс в телефонном справочнике, впол-

не вероятно, родственник, и вот...

– Лучше поговорите с моей женой. Она разбирается в таких вещах.

– Минуточку, мистер Кэндлесс. Я же спрашиваю о ваших родственниках...

Поздно. Он уже отошел от телефона. Сара ждала с нарастающим раздражением. Ей встречались мужчины, которые на вопрос, доводилось ли им читать книги ее отца, отвечали: нет, зато жена читала. Бред! В трубке зазвучал женский голос, уверенно и деловито, это сулило нечто более осмысленное, несмотря на жуткий выговор.

– Морин Кэндлесс. Чем могу помочь?

Сара повторила все сначала.

– Ага, понятно.

– Неужели вы не слышали о моем отце? Он был очень знаменит.

– Я слышала. Прочла его некролог в газете. – Морин не выразила сожаления или сочувствия к ее утрате. – Я обратила внимание, потому что мы однофамильцы, – пояснила она.

– Миссис Кэндлесс, есть у вашего мужа дядя Джордж и тетя Кэтлин? Или, может быть, его дедушку с бабушкой звали Джордж и Кэтлин. Они жили в Ипсвиче на Ватерлоо-роуд.

– Нет, таких нет, – отрезала Морин. – Его дедушку

и бабушку по линии Кэндлессов звали Альберт и Мэри. – Эта женщина не обделяла вниманием старые альбомы и странные имена. – Был еще кузен Джордж, но он уехал в Австралию, а про Кэтлин я никогда не слышала. Вам нужно поговорить с тетушкой Джоан.

– С тетушкой Джоан?

– Она не совсем тетя, а двоюродная сестра моего мужа, вернее, его отца, но мы привыкли звать ее тетей. Ее девичья фамилия Кэндлесс, а теперь она миссис Тэйг, миссис Джоан Тэйг, и живет на Рашмир-Сент-Эндрю. Только она уже старая и почти не выходит из дома.

Для Сары это значения не имело. Пусть себе миссис Тэйг сидит дома, лишь бы не отказалась поговорить с ней. У нее ведь есть телефон?

– Телефон есть, – подтвердила Морин Кэндлесс, – но она глуховата, а по телефону, говорит, ее слуховой аппарат не работает. Лучше бы вам подъехать и поговорить с ней.

Сара поблагодарила и согласилась, что так лучше всего. Морин Кэндлесс обещала предупредить тетю о предстоящем визите, дала Саре адрес и, по ее настоянию, также телефон, но сказала, что на звонок все равно никто не ответит. Тем не менее, попрощавшись с миссис Кэндлесс, Сара тут же набрала номер. Как Морин и предсказывала, трубку никто не взял.

Настроившись поболтать по телефону, Сара заодно позвонила и матери. Урсула в очередной раз повторила, что ей Джеральд о своих предках не рассказывал, и она не знала, имелся ли у него двоюродный или троюродный брат Дж. Дж. Кэндлесс или двоюродная сестра или тетя миссис Джоан Тэйг.

– Кто-то же из родственников приехал к вам на свадьбу?

– Никого из родственников твоего отца не было. Только его друзья.

– Ладно, расскажи мне, как ты впервые встретила с отцом.

– По-моему, это мы собирались обсудить, когда ты приедешь на выходные.

– Я не смогу. Придется ехать к этой Тэйг. Так что расскажи мне прямо сейчас, ладно, ма?

Кое-что можно рассказать. Только кое-что. Урсула говорила десять минут, тщательно подбирая слова. И только когда Сара повесила трубку, она позволила себе откинуть голову на спинку кресла и прикрыть глаза, вспоминая.

Он приехал на кабриолете «эм-джи». Ровно в семь. Урсула собралась заранее, за два часа до выхода, и очень зря: потом бегала наверх укладывать заново волосы и подправлять помаду (бледно-розовую, что-

бы отец не намекал насчет пожарной машины). Чулок поехал, пришлось переодеть. В те дни (правда, они уже подходили к концу) от женщины требовалось постоянно выглядеть свежей, только что накрашенной, каждый волосок на своем месте, будто куклы «Барби» в человеческий рост или Степфордские жены⁵. Одета с иголки. Несколько дней Урсула не могла выбрать костюм и, наконец остановилась на розовой юбке с розовым жакетом.

Родители встревожились. С какой стати этот человек приглашает их дочь в ресторан? Он ей в отцы годится – ну, не совсем в отцы, но она же понимает, о чем речь. Почему он не пригласил всю семью, если хочет отблагодарить за ужин, которым его угостили (и за которым он выпил чересчур много вина)?

– Он ведь не ухаживает за тобой? – намекнул Герберт.

– Мы просто ужинаем вместе, папа.

– На мой взгляд, это довольно странно, – подхватила Бетти. – Ты не находишь, Берт?

– Писатели – странные существа. Ну, надеюсь, ничего страшного. Он же не молодой человек.

Почему это делало Джеральда безопасным в глазах родителей? Можно оставить дочь наедине с чело-

---

⁵ Персонажи одноименного фильма (1975) режиссера Брайана Форбса об идеальных женах, оказавшихся на самом деле киборгами.

веком средних лет, но не с юношей? Дело в большей физической силе юности или в большей физической потребности? Тогда она даже не задумывалась над этим вопросом.

Родители встретили писателя достаточно гостеприимно. Отец предложил выпить, Джеральд согласился – да, спасибо, вы очень любезны – и принял из его рук изрядную порцию джина с тоником. В 1962 году выпивка прекрасно сочеталась с вождением автомобиля. Костюм Джеральда был не слишком чистый, невыглаженный, но все же костюм. Галстук в кармане, пояснил Джеральд, он не любит галстуки, наденет уже в ресторане.

Ресторан находился в Челси, не ближний путь. Страшно подумать, сколько времени пришлось бы добираться на автомобиле в наши дни. Больше часа, наверное, в пробках по Стритхэму, Болхэму и Баттерси, по улицам с односторонним движением, где машины (по тогдашним представлениям) так и кишели. Джеральд довез Урсулу за сорок минут и всю дорогу разговаривал с ней. Задавал ей вопросы. Никто никогда не задавал ей столько вопросов. Где прошло ее детство? В какую школу она ходила? Хорошо ли училась? Нравится ли ей работать у отца? Чем интересуется? Что читает?

Собравшись с духом, она призналась, что прочла

три его книги.

– Вам понравилось?

– Мне больше всего понравился «Центр притяжения», – сказала она. По крайней мере, эту книгу она действительно прочла, две другие – пролистала.

– Не слишком-то лестно для писателя, знаете ли. Что его первую книгу предпочитают прочим. Выходит, никакого прогресса?

– О, я вовсе не имела в виду...

– Я подарю вам все свои книги. С надписью «Медвежонку». «Медвежонку от Джеральда Кэндлесса с восхищением».

Она залилась краской.

– Чем тут восхищаться? – выдавила она из себя. – Я самая обыкновенная.

– Возможно, именно ваша обыкновенность мне так нравится, – кивнул он.

В шестидесятых кухня не отличалась разнообразием, даже в таких ресторанах, как этот в Челси. Урсула отведала салат-коктейль из креветок, жареного цыпленка и грушу, а Джеральд – копченую макрель, жареного цыпленка и яблочный пирог «а-ля мод». Она спросила, почему дополнение в виде мороженого превращает пирог в «а-ля мод», и Джеральд признался, что ему сие неизвестно – блюдо американское. Странно, как врезались в память подробности

того обеда и забылись остальные совместные трапезы вплоть до свадьбы.

Перед выходом из машины Джеральд надел галстук – тогда можно было припарковаться прямо у входа в ресторан на Кингс-роуд, – красный галстук, потертый, обтрепанный. Улыбка приоткрывала золотую коронку на одном зубе. Наверное, у мистера Рочестера был золотой зуб.

– У вас есть друг? – поинтересовался он, когда подали кофе.

Шокированная, Урсула покраснела в очередной раз. Слегка склонив голову набок, ее собеседник следил, как вспыхивает и угасает румянец на ее щеках.

– Наверное, румянец означает «да», Медвежонок?

– Нет, – возмутилась она. – Нет, ничего подобного. У меня никого нет.

Он промолчал. Они вышли из ресторана. На обратном пути она увидела, как крупные продолговатые ладони сжали руль, как побелели суставы, когда он, не глядя на нее – даже головы не повернув, – спросил:

– Могу я претендовать на эту вакансию?

Она не сразу поняла:

– Какую вакансию?

– На вакантное место друга – или, раз уж я чересчур стар для этого, поклонника, влюбленного, воздыхателя Медвежонка?

– Вы? – не веря, переспросила она, испуганная, изумленная, озадаченная, восхищенная.

Он свернул на обочину и остановил машину:

– Вы сомневаетесь во мне?

Позднее Урсула поняла, что «Джейн Эйр» Джеральд процитировал ненамеренно – если он и читал роман, то давно его забыл. Совершенно случайно ему подвернулся ответ Эдварда Рочестера – Джейн не может поверить, что он «взаправду» делает ей предложение, и Рочестер успокаивает ее достаточно банальной фразой. Тем не менее Джеральд догадался, что Урсула ответила ему цитатой, повторив слова Джейн:

– Безусловно.

Но они тут же во всем разобрались. Урсула объяснила, Джеральд засмеялся. Они не прикасались друг к другу, прошло немало времени, прежде чем Джеральд впервые ее поцеловал, но с того вечера Джеральд Кэндлесс был официально назначен ее – скажем, другом.

Он приглашал ее на свидание дважды в неделю. Звонил ежедневно. Родители продолжали пожимать плечами, но смирились. Джеральд, может, еще не богат, но все же он человек с достатком. Он неплохо зарабатывал на книгах и еще лучше – на газетных публикациях. Владел домом в Хэмстеде, маленьким домиком, как он не уставал подчеркивать. Все родные –

Герберт и Бетти, Ян и Хелен – ожидали помолвки, но лишь полгода спустя Джеральд попросил ее руки.

Урсула сразу же ответила «да», потому что была влюблена, хотя она не могла, подобно Джейн, назвать себя свободным человеческим существом с независимой волей, которое не опутывают никакие сети. Не могла она также утверждать, что ее дух общается с его духом, как будто они уже сошли в могилу и предстали у подножия престола Господнего, равные во всем – ничего такого она сказать не могла, хотя и желала бы.

На самом деле Джеральд пленил ее, загипнотизировал, полностью подчинил своей власти. Но она все еще не верила в это, все еще думала, что однажды очнется и окажется снова в декабре, накануне того дня, когда Колин Райтсон должен был приехать и выступить с речью перед членами Ассоциации читателей Пурли. Ей приснилось, будто Райтсон не поскользнулся на обледеневшей дорожке по пути к кормушке для птиц, а приехал в Пурли и рассказывал о дочерях королевы Виктории, и с Джеральдом Кэндлессом она вовсе не знакома.

Итак, на эти выходные Сара не приедет, и Хоуп тоже. Урсула сообщила начальству в «Дюнах», что может посидеть с детьми вечером в пятницу, а если по-

надобится, и в субботу. Начальство было довольное. Мистер и миссис Флеминг собирались приехать с двумя детьми и заранее узнавали насчет няни, но пока что им ответили, что найти няню на выходные будет непросто.

По пути к отелю Урсула вспомнила, что сегодня годовщина ее свадьбы. Доживи Джеральд до этого дня, они могли бы отметить тридцать четвертую годовщину. Только никто не стал бы праздновать. Одна Урсула и помнила этот день, девочки интереса не проявляли – попробуй, однако, недодать кому-нибудь из них праздничной атмосферы в день рождения, – а Джеральд и вовсе забыл. Похоже, он забыл, что женат, забыл давным-давно, тридцать лет назад, и вел себя – выразимся грубо, но точно – как вдовец с детьми и экономкой.

Пожалуй, Урсула со своей стороны стала к нему неласкова в последние годы. Она старалась изо всех сил, но ничего не могла поделать. А потом и стараться перестала. Ради мира в доме уступала его прихотям. Отказалась от затеи сидеть с детьми в гостинице, когда он запретил. Теперь, когда его нет, никто не помешает ей этим заняться. Урсула вошла в холл гостиницы, сверила на рецепции номер и фамилию постояльцев и поднялась в лифте на третий этаж.

Пару, которую она застала в номере, разделяла

еще большая разница в возрасте, нежели Урсулу и Джеральда, – должно быть, около тридцати лет. Мужчина выглядел сверстником Урсулы: высокий, очень худой, с впалыми щеками и светлыми седеющими волосами – цветом они также удивительно напоминали ее волосы. Мать шестилетнего мальчика и трехлетней девочки казалась не старше Хоуп. Прелестная, с длинными светлыми волосами, собранными над высоким белым лбом, бирюзовая синева глаз выгодно подчеркивалась платьем-безрукавкой в тон.

– Молли Флеминг, – назвалась она, протягивая руку, а мужчина представился: – Сэм Флеминг.

Урсула пожалала обоим руки. Дети, тоже светловолосые, уставились на нее, девочка так и не вытасила палец изо рта.

– Сейчас я их уложу, миссис Кэндлесс, но они так сразу не заснут. Можно ли попросить вас посидеть с ними рядом, может быть, почитать им что-нибудь или просто поболтать?

– Ну конечно.

Урсула присела на корточки, встретила глазами с детьми и спросила, как кого зовут. Она пообещала прийти к ним, как только они устроятся в постели, тогда-то и познакомятся поближе. Рассказать им сказку или почитать книжку, которую она захватила с собой?

Это были «Сказки Сэма-с-усами»⁶.

Мать увела детей, Урсула подошла к окну и полюбовалась видом на залив. В этом люксе окна выходили на море, Ланди был отчетливо виден, голубое пятно на бледно-голубой глади ровной, как стекло, воды. Еще не стемнело, но луч маяка уже вспыхивал и плясал светлячком.

– Вам нравится вид из вашего номера? – спросила она Сэма Флеминга.

– Это не мой номер, – поправил он. – Моя комната – по коридору напротив.

Урсула с недоумением оглянулась на него.

– Вы же не подумали, что я – отец этих детишек?

Естественно, именно так она и подумала.

– Конечно, – резковато произнесла она.

– Это внуки. Мой сын умер. В прошлом году.

– Сочувствую.

– Да это было ужасно. Очень больно. И сейчас больно. До сих пор. Молли – вдова. Я всеми силами стараюсь помочь с детьми – Эдит еще и двух лет не было, когда умер ее отец, – но проку от меня мало. Больше путаюсь под ногами. Но мне нравится общаться с детьми.

– Я вам очень сочувствую, – повторила Урсула. – Нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка.

---

⁶ Книга для детей Беатрис Поттер.

Это противоестественно.

Вернулась Молли Флеминг:

– Долго читать вам не придется, миссис Кэндлесс. Джеймс уже переходит границу Страны Чудес. – Молодая женщина усмехнулась. Наверное, фамильное словцо, привычная шутка. – Сэм, если ты готов, пошли. – Обернувшись к Урсуле, она добавила: – Вернемся ровно в десять, честное слово.

Урсула тихонько прошла в детскую. Джеймс уже спал. Эдит пробормотала: «Сказку», или так показалось Урсуле – попробуй, разбери, когда рот заткнут уголком одеяла. Урсула предложила почитать и сказала, как называется книжка, а Эдит сказала, что «Сэм-с-усами» похоже на имя ее деда. Сэмюэля Уистона Флеминга. Урсула прочла ей приключения Котенка Тома и его сестренки, про то, как Том лез по трубе, но к тому времени, как речь зашла об Анне-Марии, укрававшей тесто, Эдит заснула глубоким сном.

Оставив дверь приоткрытой, Урсула вернулась в большую спальню. Почему она сказала Сэму Флемингу именно эти слова: «Нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка. Это противоестественно»? Точная цитата из разговора с миссис Эади, слова будто сами скользнули ей на язык, разум к этому не причастен. Холодок пробежал по плечам и спине, как говорится, «кто-то прошел по моей могиле». Нет ничего

страшнее... Это противоестественно...

Но ведь сын Сэма Флеминга не был убит, как сын миссис Эади, и вряд ли у Флеминга имелась дочь-монахиня. Наверное, отец Джеймса и Эдит погиб в аварии или скончался от рака, который порой настигает молодых мужчин и уносит их в одночасье. Его не забили насмерть, тело не было найдено в луже крови. Урсуле не хотелось вспоминать об этом, она сожалела, что на язык подвернулись именно эти слова, проросшие, словно ядовитые семена, и принесшие отравленный плод. Они всегда были ядовиты.

Урсула сидела у окна и любовалась пейзажем, чтобы успокоиться, прогнать тот образ с фотографии, любовно хранимой миссис Эади, – только ей молодой человек представлялся не задорно и дерзко улыбающимся, как на снимке, а с разможенной головой, кровь хлынула на стены. Нет, повторяла она, нет! За окном море застывало ровным серым асфальтом. Остров исчез. Вдали, словно спящие животные, покоились темные лохматые мысы, спокойные, удовлетворенные, тяжеловесные, но на вершине Хартленда все еще мигал светлячок.

Темное море смыло кровавый призрак. Урсула подумала о дочерях. Что еще рассказать Саре о свадьбе? Что-то рассказать нужно, и притом правду, но очищенную, отредактированную. Без цензуры не

обойдешься. Сара, конечно же, считает, что они с Джеральдом спали вместе задолго до свадьбы. Сейчас по-другому не бывает. Да и в 1963 году это казалось почти невыносимым, но они так и не стали любовниками. Он не предлагал, она, естественно, тоже, поскольку инициатива должна исходить от мужчины. Ситуация ее несколько удивляла, но Урсула списывала все на разницу в возрасте – Джеральд был на четырнадцать лет старше.

Об этом говорить нет надобности. Венчалась Урсула в длинном белом сатиновом платье со шлейфом, декольтированном, чтобы выставить на обозрение грудь, которой гордилась. В руках – белые розы и фрезии. Подружками невесты стали ее одноклассница Пэм и маленькая племянница Полин – той только что исполнилось три с половиной года. При помолвке она получила кольцо с сапфиром и бриллиантом, золотое обручальное кольцо украшал орнамент в виде листьев. Кольцо с сапфиром Урсула перестала носить в середине семидесятых, а в 1988-м навсегда сняла обручальное. К тому времени лиственный узор стерся, обычное золотое кольцо ничем не отличалось от любого другого.

В порыве негодования, презрения, разочарования (как точнее назвать?) Урсула продала кольцо, полученное при помолвке. Она знала, что об этом не до-

гадаются, никто даже не обратил внимания, когда она сняла кольцо с пальца. Ювелир из Эксетера предложил ей две тысячи фунтов. Это означало, что кольцо стоит намного дороже, но Урсула спорить не стала. Вот и хорошо, что роскошное кольцо, купленное Джеральдом, будет продано за бесценок. В деньгах она не нуждалась, Джеральд не ограничивал ее расходы (в разумных пределах), так что она попросту положила две тысячи фунтов на их общий банковский счет.

На свадьбе это кольцо только мешало. Нужно было правильно его надеть, но Урсула забыла наставления матери и Хелен – надеть кольцо на правую руку, чтобы безымянный палец левой остался свободным для обручального. Когда она шла по проходу под руку с отцом, Хелен заметила ее упущение и принялась подмигивать и указывать пальцем, но Урсула так и не догадалась, на что намекает сестра. Она только заметила (и легкая тень омрачила счастливое событие), что, в отличие от толпы родственников невесты, со стороны жениха присутствует лишь жалкая горстка друзей (в том числе, Колин Райтсон с супругой) и никого из семьи.

Джеральд ждал у алтаря с шафером, которого Урсула один раз встречала и знала, что это не двоюродный брат, а приятель. Она не испытывала беспокойства. Она хотела выйти замуж за Джеральда, была

в него влюблена, ей не терпелось стать его женой, жить с ним вместе, каждую ночь ложиться с ним в постель. На все вопросы Урсула отвечала твердым, уверенным голосом. Потом священник велел ей повторять за ним: этим кольцом я обручаюсь тебе, телом своим боготворю тебя – тогда еще не внесли исправления в молитвенник, – и Урсула, вытянув вперед руку, обнаружила, что на нужном пальце – кольцо с сапфиром.

Джеральд уже приготовился надеть ей обручальное кольцо. Урсула впопыхах сдернула сапфировое, занервничала, выронила его, кольцо упало на пол с громким стуком, потому что ударилось о каменные плиты возле алтаря – большую часть пола закрывал ковер, но перстень упал на камни. Машинально Урсула нагнулась за кольцом, и Пэм тоже, они ударились головами, не больно, однако довольно нелепо. Урсула попыталась найти кольцо, Пэм помогала, но оно куда-то запропастилось, а викарий или еще кто-то сердитым шепотом одергивал их: «Оставьте, потом!»

Джеральд повторил торжественные слова обета, совсем не сердито, голос его звучал весело, словно он изо всех сил подавлял смех, и за это Урсула полюбила его больше прежнего. Надевая ее всем своим земным добром (только что она уронила часть его земного добра на пол), Джеральд чуть было не рас-

хохотался, но сдержался под грозным взглядом священника.

Потом они прошли в ризную, хор тем временем пел псалом, а Урсула все нервничала из-за кольца, но прежде, чем они вернулись к алтарю и церемония продолжилась, маленькая Полин подошла к ней и с серьезным видом отдала кольцо. Оно все это время было у нее. С удивительной для такой крохи сообразительностью племянница подобрала его и надела на стебель одного из цветков своего букета и таким образом сохранила его до этого момента.

Позднее Урсула неоднократно размышляла над этой странной историей. Словно знамение – но знамение чего? Или сон, потому что такие вещи обычно происходят во сне, а не в жизни, – катится кольцо, все поиски бесплодны, дитя с необычайной проницательностью находит его, блестит золотая полоска вокруг длинного, увенчанного белым бутоном стебля.

Дочерям она об этом не рассказывала и сейчас не знала, поделится ли с Сарой. Как-то раз (девочки еще были маленькими), она заговорила про тот случай с Джеральдом, но он пожал плечами, словно все, от начала до конца, было ее выдумкой, плодом воображения. Приблизительно тогда же Урсула стала замечать, что Джеральд тяготеет любым намеком на свое семейное положение. По возможности он избегал даже

произносить слова «моя жена». Однажды она перехватила его взгляд – он смотрел на ее левую руку, лишённую теперь кольца, и смотрел с удовлетворением.

Урсула навестила спящих малышей. Вернувшись в комнату, она застала там Сэма – дед вернулся проверить, все ли в порядке.

– Простите за любопытство, вы не родственница Джеральда Кэндлесса, писателя, который умер этим летом? Вроде бы он жил в здешних местах.

– Я его вдова, – ответила Урсула.

– Очень жаль.

И мне тоже, чуть не ответила она. Но вместо этого поблагодарила собеседника и заверила, что ему нет необходимости оставаться в номере, дети спокойно спят, а она с удовольствием посмотрит телевизор. Однако телевизор она так и не включила – сидела и повторяла вопрос, который часто задавала себе после смерти мужа: а он – сожалел ли он о том, что сделал с ней? Пытался ли компенсировать это, завещав ей дом, сбережения, будущие гонорары?

7

Люди смеются над гречанками и турчанками, которые приезжают к нам на выходные, чтобы пройтись по магазинам. Но большинство девушек в Лондоне одеваются в черное, словно оплакивают утраченную свободу цвета.

«Улыбка в мезонине»

Разлука со взрослыми детьми – не обязательно утрата. Если они счастливы, хоть и живут далеко, если они преуспевают, строят свою жизнь, рожают детей – этого для матери достаточно. Ведь не для того рождаешь их на свет, чтобы они заботились о тебе в старости. Ни о чем таком, по правде сказать, родители и не помышляют. И вообще, заводят детей не по плану – они просто появляются, и все. Но как появятся, понимаешь, что они должны расти крепкими и здоровыми, удачливыми, счастливыми, зарабатывать себе на жизнь так, как им по душе, занять свое место в мире.

Такова философия Джоан Тэйг. Одного из ее сыновей занесло в Австралию, другого – в Шотландию, дочь жила в Беркшире. Они виделись раз в год, порой чаще. Раз в две недели заглядывал внук, учившийся в Лондонском политехническом университете, и Джо-

ан прекрасно знала, зачем мальчик приходит – вкусно поесть. Морин, жена ее двоюродного племянника Джона Джорджа, заглядывала на чай и возила Джоан за покупками на собственной машине в «Мартлсхэм Теско», лучший супермаркет в округе. В семьдесят восемь лет Джоан Тэйг все еще могла похвастаться здоровьем и силой и считала, что в жизни ей повезло.

Если бы получалось говорить по телефону, она бы могла раз в неделю пообщаться с детьми и внуками, но глухота усложняла дело. Врачи говорили, она оглохла от шума на шелкопрядной фабрике, где работала в молодости. С медиками Джоан не спорила – они все равно ничего не слушают. Нет смысла объяснять, что в цеху особого шума не было, к тому же дядя Эрнест был глух как пень, и отец тоже оглох под старость. Конечно же, она унаследовала свой недуг, но врачи терпеть не могут, когда больной сам ставит себе диагноз.

Ее снабдили какой-то приставкой к телефону и слуховым аппаратом. С аппаратом в ухе, глядя все еще зоркими глазами на губы собеседника, она могла разобрать каждое слово, даже произнесенное негромко, но приставка к телефону ничего не давала. Звук, доносившийся из трубки, Джоан сравнивала с лаем огромного пса, который свалился на дно колодца. Ларинголог рассмеялась и сказала: очень точ-

ное описание. Но помочь ничем не смогла. Джоан не стала отключать телефон на случай, если придется когда-нибудь вызывать «скорую», но для разговоров им не пользовалось. Вот почему молодой женщине, только что потерявшей отца, придется навестить ее, а не беседовать со старухой по телефону.

В субботу. Во второй половине дня. Морин заехала накануне и сообщила, что мисс Кэндлесс звонила еще раз и спрашивала, устроит ли ее суббота около трех. Морин сказала, вполне устроит, и съездила предупредить тетю. Потом они наведались в «Мартлсхэм», Джоан купила шоколадное печенье и кексы «Кунцль» (после сорокалетнего перерыва они снова появились в продаже), чтобы подать к чаю. К счастью, Фрэнк не оставил ее без средств, а сама Джоан всегда умела экономить, так что деньги для таких случаев оставались.

Протирая пыль и проходя с пылесосом по своему безусловно чистому домику, Джоан прикидывала, кем же ей приходится визитерша. Быть не может, чтобы человек по фамилии Кэндлесс и родом из Ипсвича не принадлежал к их семье. Она пыталась сообразить, к какой ветви рода принадлежал покойный отец этой девушки – Морин назвала его имя и что-то еще прибавила, – но как раз в тот момент отвернулась к окну, и Джоан не разобрала несколько слов. Она убрала пы-

лесос и выложила на только что протертый журнальный столик в гостиной четыре альбома с фотографиями – все, что у нее было.

В какой-то момент, примерно во время Второй мировой или чуть позднее, изжелта-коричневые фотографии сменились черно-белыми. Кому-то известна точная дата, когда произошла эта перемена, – кому-то, но не Джоан. Коричневые снимки нравились ей больше, жаль, что они навеки вышли из моды. А потом другой поворотный момент: вместо черно-белых фотографий – цветные. В одном альбоме коричневые фотографии, в двух – черно-белые, в последнем – цветные. Та девушка захочет посмотреть фотографии, постарается опознать своего отца среди множества кузенов и племянников.

Не устояв перед соблазном, Джоан раскрыла более старый из черно-белых альбомов, тот, где хранились ее свадебные фотографии. Она тогда жила в Садбери, а венчаться хотела в церкви Святого Григория и святого Петра, в симпатичной церковке у самого Стоура, где в мае зеленее трава на лугах и цветут белые ромашки. Но мать звала ее венчаться домой, в Ипсвич, и Джоан решила уступить. Фрэнк был в ту пору красавцем, самый красивый мужчина, какого она видела в жизни. Ей хотелось прижаться губами к фотографии Фрэнка, но Джоан одернула себя и запретила

подобные глупости.

Сначала они поселились в Садбери, в белом кирпичном домике – всего две комнаты – на Мелфорд-роуд, там у дяди Фрэнка имелась собственная зеленая лавка. До рождения Питера Джоан тоже работала в магазине, а вскоре Фрэнка призвали. В годы войны ей пришлось нелегко с двумя малышами на руках, а муж – в Западной Пустыне. Зато потом Фрэнк открыл в Ипсвиче собственное дело, и если не богачами, то, по крайней мере, зажиточными и довольными жизнью людьми они стали. Достаточно взглянуть на фотографию, где Фрэнк запечатлен с огромным кабачком в руках перед входом в магазин.

Джоан снова закрыла альбом и задумалась, каким чаем поить мисс Кэндлесс. Предпочитает ли она «Дарджилинг» или «Эрл Грей»? К «Эрл Грей» молоко не годится, а лимона в доме нет, так что придется заваривать индийский. «Около трех» – это до или после? Джоан отличалась редкостной пунктуальностью и ни за что не стала бы назначать встречу «около» какого-то часа, но мисс Кэндлесс, понятное дело, едет из Лондона и опасается пробок. «Около трех» – скажем, минут десять четвертого. Но без двух минут три она уже заняла позицию около окна, высматривая гостью.

В двадцать минут четвертого машина наконец

подъехала. Джоан извелась – то выходила в столовую, то возвращалась к окну, ставила чайник на огонь и снимала, думала, что перепутала день, даже заглянула в газету, чтобы убедиться – сегодня суббота. Она бы позвонила племяннику Джону Джорджу и переспросила Морин, действительно ли речь шла о субботе, но телефон – не для ее глухих ушей. Но вот подъехала машина, и Джоан проворно отскочила от окна, чтобы молодая леди не заметила, как ее ждут.

И дверь второпях открывать не годится. Тебя могут неправильно понять, подумают, что тебе скучно одной или сидишь как на иголках. Когда прозвенел звонок, Джоан сосчитала до двадцати, а потом неторопливо направилась к входной двери, спокойно открыла ее.

Молодая женщина вошла, с порога протягивая руку:

– Я Сара Кэндлесс. Как поживаете? Спасибо, что согласились встретиться со мной.

Симпатичная рыжеволосая девушка с темно-красной помадой на губах. И какой глубокий траур – черный костюм, черная блуза, черные чулки и туфли, черный плащ на плечах. Носит траур по умершему отцу. Одобрительно оглядев Сару, Джоан повесила в шкаф ее черный блестящий макинтош и провела посетительницу в гостиную.

Джоан не из тех людей, кто торопится перейти к

делу. Сначала надо поболтать, обменяться мнениями насчет погоды и состояния дороги от Лондона до сюда. Похолодало, отметила Джоан, осень вступает в свои права, день убывает. Так оно и есть, согласилась Сара Кэндлесс. Она ехала по шоссе M25 и по A12, а на подступах к Колчестеру все еще продолжают дорожные работы.

– Выпьете чашечку чая?

– Я вообще не пью чай, – решительно ответила Сара.

Джоан очень удивилась. Она никогда не встречала человека, который не пьет чай. У Джоан была в запасе маленькая баночка растворимого кофе без кофеина, купленная племянником и припрятанная в кухонном шкафчике.

– Что же вы будете пить? – поинтересовалась Джоан.

– Ничего не надо. Спасибо.

– После такой тяжелой дороги из Лондона, – сокрушалась Джоан.

– Все в порядке. Мне ничего не нужно.

– Столько часов за рулем!

– Вода у вас найдется?

Что она, собственно, имела в виду? Разумеется, в доме есть вода. Всю жизнь, и у родителей, и когда они с мужем обустроились, Джоан жила в доме с цен-

тральным водопроводом. Когда она открыла кран и спустила воду, чтобы стала похолодней, то сообразила, что вода бывает и другая, она видела бутылки в супермаркете «Мартлсхэм», но поверить нельзя, чтобы разумный человек стал платить деньги за воду в бутылке. Нет, мисс Кэндлесс просто скромничает.

Она поставила стакан на поднос, вместе с кексами и печеньем. Сама она попьет чай позже. От кекса мисс Кэндлесс отказалась. Джоан знала, что она откажется, едва взглянула на нее. Такие девушки все поголовно страдают от этой напасти – «нервной анорексии». Она читала в газете.

– Полагаю, теперь мы можем поговорить о моем отце.

Слишком деловито. И папка, извлеченная мисс Кэндлесс из черного кейса, выглядела пугающе официально, как и сам кейс, словно к Джоан явилась не родственница, а представительница газовой компании подписывать очередной контракт. Джоан закивала и села очень прямо, сложив руки на коленях и внимательно глядя на девушку.

– Я принесла копию свидетельства о рождении, – Сара предъявила документ. – Отца звали Джеральд Фрэнсис Кэндлесс.

Джоан уставилась на нее во все глаза. На миг она отвела взгляд и, наверное, плохо поняла. Холодный

пот выступил на коже. Неужели ей не послышалось? Теперь она пристально смотрела на полные губы, покрытые блестящей темной помадой, слегка раздвинутые и обнажавшие белые блестящие зубы – такие же белые и блестящие, как фарфоровая тарелка, на которой лежало печенье.

– Прошу прощения, – пробормотала она. – Какое имя вы назвали?

– Джеральд Фрэнсис Кэндлесс.

Красные губы вылепили это имя, зубы слегка прикусили нижнюю губу, произнося первое «р», а затем второе. Нет, она не ошиблась.

– Разве вы никогда о нем не слышали? – спросила Сара. – Он был известным писателем. Автором знаменитых романов.

Это ничего не значило. Чепуха какая-то. Почти беззвучно Джоан произнесла:

– В нашей семье не было никого с таким именем.

– Позвольте, я еще кое-что скажу, миссис Тэйг. Отец родился в 1926 году. Десятого мая. Его родители – Джордж и Кэтлин Кэндлесс. Это все записано здесь, в свидетельстве о рождении. Если вы хотя бы...

Ничего подобного с Джоан в жизни не случилось. Она была до смерти напугана – и сама еще не понимала чем.

– Нет! – вырвалось у нее произвольно, в попытке

остановить этот поток слов.

– Нет?

– Нет, нет! – Джоан стиснула кулаки. – Нет, говорю вам!

– Что случилось? Что я такого сказала?

Гнев, давно забытый гость. Сколько лет прошло с тех пор, как Джоан пришлось «показать» кому-то, как она это называла, но сейчас она готова была вновь это сделать. Никому не позволено издеваться над старухой. Эта девчонка, бог знает почему, явилась к ней домой, чтобы поиздеваться, чтобы поковыряться в давней ране.

– Вы сами знаете, что вы сказали. Вы знаете, кто такие Джордж и Кэтлин Кэндлесс, – это мои родители. Вы знаете, кто родился десятого мая 1926 года. – Джоан чуть не задохнулась, резкость давалась ей с трудом. Руки тряслись. Но она собралась с духом и «показала»: – А теперь уходите!

Девушка тоже поднялась на ноги:

– Простите, если расстроила вас, миссис Тэйг. Я не хотела.

– Уходите! Уходите, прошу вас!

– Я не понимаю, в чем виновата. Поверьте, я не знаю, что я сделала не так. Что я сказала?

– Дайте взглянуть.

Джоан протянула руку к метрике. Девушка расста-

лась с документом не без сожаления. На лице гостьи недоумение, рот слегка приоткрыт. Никаких примет жестокости, издевки. Джоан чувствовала, как бешено колотится ее сердце. Ноги подкосились. Это действительно свидетельство о рождении Джеральда, вот его имя, вот имена мамы и папы и адрес того дома на Ватерлоо-роуд, где родилась она сама, а семью годами позже – Джеральд, и дата, десятое мая 1926 года, совпадает с днем его рождения.

– Откуда у вас это? – спросила Джоан.

– Прошу вас, миссис Тэйг, не надо сердиться. Я ничем не хотела вас задеть и не знаю, в чем провинилась. Это метрика моего отца. Она хранилась у матери вместе с другими свидетельствами о рождении.

– Это не вашего отца метрика, – возразила Джоан.

– Простите, мне не хотелось бы с вами спорить, но это его метрика. Его звали Джеральд Кэндлесс, день рождения у него был в мае, в прошлом году, за два месяца до смерти, ему исполнился семьдесят один год.

Теперь Джоан знала, что нужно делать. Заглянуть в жестянку. Давно уже она не заглядывала в нее, с тех самых пор, как осторожно приподняла крышку и уложила поверх всех бумаг свидетельство о смерти Фрэнка. Теперь эта бумага первой бросится ей в глаза, но тут уж ничего не поделаешь. Если она не суме-

ет доказать этой девице с бледным лицом, красными губами и крашеными рыжими волосами – у них в семье рыжих никогда не было – и с таким же фальшивым трауром, что Джеральд умер, умер давно, целую жизнь назад, ей не знать покоя, так и станет изводить себя и этой ночью, и завтрашним днем, и до бесконечности. Она должна защитить его от этой девчонки, от ее родни, от тех, кто покушается украсть его жизнь и смерть.

– Подождите, – велела она.

Жестянка стояла в столовой. Столовая предназначалась для еды, хранения двух графинчиков с шерри и бренди для медицинских целей, и здесь же казалось правильным сложить документы. В спальне такие вещи не спрячешь, в гостиной – несерьезно как-то. Зато в столовой, где нет мягких удобных кресел и стоит строгий стол красного дерева, редко видевший гостей, где ковер застилал лишь часть пола, и окна, выходявшие на север, тускло освещали комнату, – здесь, в этом торжественном сумраке ее сокровища по праву занимали свое место. В верхнем ящике буфета – столовое серебро, в среднем – скатерть и салфетки дамасского полотна, наследство от матери, в нижнем – жестянка.

Джоан хранила все документы в черно-оранжевой коробке из-под печенья, по примеру матери, которая

верила, что металл убережет бумагу от пожелтения. Она ошибалась: даже свидетельство о смерти Фрэнка уже приобрело тот густой охряной оттенок, что и много лет пролежавшие свидетельства о смерти Джорджа и Кэтлин Кэндлесс, супругов, сошедших в могилу один за другим. Нужная ей бумага на самом дне.

Сначала свидетельства о рождении детей, потом свидетельство о браке и свидетельство о смерти отца Фрэнка. Куда подевалось свидетельство о смерти его матери, она не знала. Наверное, осталось у кого-то из золовок. Два документа на самом дне лежали не в том порядке – свидетельство о смерти оказалось поверх свидетельства о рождении. Джоан вытащила верхнюю бумагу, бросила взгляд на вторую и невольно произнесла:

– Джеральд.

Она не заплачет. Только не перед этой девчонкой. На коричневатой, выцветшей бумаге и так остался влажный след слезы, упавшей на нее много лет назад. Мама? Джоан снова услышала детский голос: «Голова! Голова болит!» Слеза размывла последнюю букву в диагнозе: «Причина смерти: менингит». Раньше, до его смерти, она и не слышала такого слова. До сих пор оно казалось уродливым, угрожающим, ползучая тварь, нечто крокодилообразное, кошмарное видение. Джоан быстро перевернула бумагу об-

ратной стороной, пряча от себя медицинское заключение. Перечитала свидетельство о рождении, слово в слово совпадавшее с тем, которое показала ей девушка, и понесла обе бумаги в гостиную.

Мисс Кэндлесс успела выпить всю воду, осушила стакан до дна. Джоан уже не чувствовала гнева, только печаль и огромную усталость. Выложив документы на стол, она сказала негромко:

– Это мой брат.

8

Не бывает хороших любовников и плохих любовников. Есть любовники желанные и нежеланные.

«Белая паутина»

Обычно к телефону подходила она. Голос дочери на том конце провода требовал папу, иногда и просить не приходилось – Урсула и так знала, что ее дело поздороваться и сказать: «Сейчас позову отца». В редких случаях, когда Джеральда не было дома – отнесил рукопись Розмари или прогуливался согласно ненавистному медицинскому предписанию двадцать минут на вершине утеса, – разочарование в голосе Сары или Хоуп звучало почти комически. Придется удовольствоваться разговором с мамой. А где папочка? С ним все в порядке? Когда он вернется?

Теперь все изменилось. Изменилось навсегда. Теперь каждый раз, когда дочери звонят, им приходится вступать с ней в разговор. Звонят они реже, Хоуп – почти никогда. Сара не забывает, поскольку ей больше свойственно чувство вины или долга – так считала Урсула. Еще она звонит, чтобы получить информацию. Но Урсулу это устраивало. Она брала трубку, здоровалась и слышала голос дочери, которая хотела пого-

ворить с ней, которой она нужна.

– Как дела, ма?

И начинались вопросы. Может, она запишет кое-что? Наговорит в диктофон? Просто ответит по телефону? Урсула обдумала ситуацию, примеряясь к желаниям дочери. Можно и записать, поскольку она сама, взыскательный и бдительный цензор, отредактирует свои записи. О первой встрече с Джеральдом, о последовавших за ней свиданиях, о прозвище Медвежонок и даже о цитате из «Джейн Эйр» она уже рассказала, а потом записала кое-что заодно с анекдотом про обручальное кольцо и отослала записи Саре. Но теперь они вступали на опасную территорию. Ее рассказ войдет в книгу Сары. Бывают, наверное, женщины, готовые поделиться с детьми тайной своей сексуальной жизни – жизни с отцом этих самых детей, – но Урсула не из таких. Затронет ли Сара эту тему?

Но Сара вдруг перестала спрашивать. Вот уже три дня Урсула дождалась очередного звонка, и все напрасно. Она даже забеспокоилась, что было глупо, поскольку дочери могли не звонить неделями. Но ведь Сара обещала. Так и сказала: «Позвоню дня через два. К тому времени я раздобуду информацию о родных отца и готова буду послушать о том, что происходило после вашей свадьбы».

На четвертый день, ближе к вечеру, Урсула позво-

нила сама. В одиночестве глупые мысли так и лезут в голову. Она боялась, что никто не подойдет или она услышит голос Сары на автоответчике – тогда бы ей стало совсем плохо. Но после двух гудков Сара подошла к телефону.

Голос ее звучал холодно, отчужденно:

– Что случилось?

– Со мной – ничего, – ответила Урсула. – Мне казалось, ты собиралась поговорить об отце. Для книги.

– Да, собиралась. Только не сейчас.

– Извини. Я не вовремя?

– Нет.

– Ты говорила, что собираешь информацию о родных отца?

– Да.

– Успешно?

Пауза, долгое молчание, потом торопливая, порывистая, на неожиданно высоких нотах скороговорка:

– Мама, я не знаю, может, ты... То есть, может, знаешь, почему отец...

– Почему он – что?

– Ничего, – оборвала себя Сара.

– Хочешь, я тебе напишу? – Не дождавшись ответа, Урсула повторила: – Ты о чем-то хотела меня спросить?

– Нет. Ни о чем. Позвоню через несколько дней.

Говорила она в точности как мать Урсулы, когда при ней затрагивали запретную тему – напряженно, смущенно, спеша закрыть вопрос. Для Бетти Вик запретной темой был секс, и, положив трубку, Урсула подумала: не этим ли объясняется неловкость, не смущает ли Сару необходимость поговорить с матерью о супружеской жизни? Но нет, тут что-то другое, не поймешь что, поскольку дочери, на взгляд Урсулы, совершенно свободны от каких-либо комплексов. Если Сара хотела что-то узнать, она бы так и сказала, и если что-то ее пугало, она бы не стала это скрывать.

Бетти Вик жила в те времена, которые Хоуп и Саре показались бы Темными Веками. Слова, которые она невольно произнесла по телефону, вернулись к Урсуле. Именно этот вопрос мать задала ей совсем в другой ситуации. Некогда, надо полагать, все матери произносят эти слова, готовя дочь к замужеству: «Ты о чем-то хотела меня спросить?» Ясно одно: она никогда не спросит об этом Сару или Хоуп в том смысле, в каком спрашивали у нее.

Накануне свадьбы мать притворно-небрежным тоном произнесла:

– Ты не хочешь меня о чем-то спросить? Насчет завтрашней ночи?

Урсула ужасно смутилась, растерялась.

– Нет, спасибо, – пробормотала она, отводя взгляд.

– Ничего особенного в этом нет, – продолжала Бетти. – То есть, если ты ожидаешь чего-то такого, как в книгах, боюсь, ты будешь разочарована. Не строй иллюзий, вот и все, что я хотела сказать.

Урсула и не строила иллюзий. Просмотрев ряд пособий по сексу, которые к 1963 году сделались достаточно откровенными, она понимала, что ни от первого раза, ни от второго чудес ожидать не приходится. К сексуальному удовлетворению можно прийти лишь совместными усилиями, проявив друг к другу интерес и внимание. Вот почему она бы предпочла, чтобы Джеральд, отбросив старомодные манеры, свозил ее куда-нибудь раз-другой на выходные еще до свадьбы, и тогда от брачной ночи она могла бы ждать большего. Однако и пособия, и уж тем более Бетти Вик ошибались. Урсулу с самого начала пленила любовная игра. В ней открылся источник удовольствий, она с готовностью шла навстречу всем желаниям мужа.

Медовый месяц они провели на недавно вошедшем в моду курорте в Югославии, на побережье Далмации. Стояла теплая, солнечная погода, и пусть в гостинице не доставало удобств, ключ от единственной ванной на этаже то и дело терялся, а к столу подавали главным образом свинину с зеленым перцем, – зато они жили в просторной светлой комнате с кружевными занавесками на окне и москитной сеткой, кото-

рая накрывала огромную деревянную кровать словно шатер. Урсула могла целый день, а не только ночь провести внутри этой белой сети, поглаживая тело Джеральда, целуя его, с глубоким вздохом или легким счастливым смешком принимая его в себя. Это он с улыбкой уклонялся от объятий, заставлял молодую жену подниматься, требовал у администратора ключ от ванной, а приняв холодный душ, тащил ее на прогулку и на пляж.

Урсуле постоянно хотелось дотронуться до него. На прогулке она то висла на руке мужа, то обнимала его за талию. Слишком жарко, отговаривался он. И на самом деле, было жарко, но она не могла удержаться – так хотелось ощутить прикосновение его кожи к своей, погладить кончиками пальцев его загорелую руку. А когда они устраивались на скалах, Урсула всем телом приникала к Джеральду, запрокидывая лицо навстречу поцелую. Теперь, задним числом, она стыдилась себя, так стыдилась, что краснела при одном воспоминании, щеки горели под ледяными ладонями.

Однажды вечером он сказал ей:

– О такой жене большинство мужчин могли бы только мечтать.

Она приняла это за комплимент, все тело теплой волной обдала радость. Тем более приятно было услышать это, что как раз в тот день, когда они верну-

лись домой на сиесту, Урсула разделась донага, протянула Джеральда к себе, вложила полные груди в его ладони. Улыбаясь, шепча его имя, раздвинула ноги, приглашая его, бесстыдная, безоглядная, – ведь она понятия не имела, что правильнее было бы сдерживаться. А он все с той же улыбкой покачал головой и слегка оттолкнул жену – «нет, нет, не сейчас» – и улегся под полог спиной к ней.

Вот почему тем вечером ее так порадовало лестное замечание мужа, и следующие его слова тоже ее порадовали, хотя и озадачили немного:

– Я не знал тебя, я только думал, что тебя знаю. Я не ожидал такого пыла.

– Чего же ты ожидал?

Теперь-то она знала чего. Равнодушия. Реакции, свойственной ее матери.

– Не знаю, Медвежонок, – вздохнул он. – Малая Медведица, созвездие мое, не знаю, чего я ожидал.

Малая, вот именно. Снисходительность – вот все, на что она могла рассчитывать. Понимание тоже пришло к ней – со временем. Много лет назад. Но в медовый месяц она этого не знала, тогда еще нет. Она думала, муж устает, и когда в те дни и ночи он с улыбкой сожаления или слегка подшучивая, уклонялся от любовной игры, Урсула напоминала себе, что он четырнадцать годами старше. Они вернулись домой,

в Хэмстед, в дом на Холли-маунт. И этого она не знала – насколько резко тот гостиничный номер отпечатывается в ее памяти, так что складки белой сетки, струившейся до полу, ложившейся волнами, отныне и навсегда будут ассоциироваться для нее с сексуальным удовольствием.

А он? Или для него это было не удовольствием, а легкомыслием, безобразием, развратом? И опять же: почему Джеральд так боялся тумана, о чем туман ему напоминал? Складки белой сетки, обволакивающую паутину? Пожалуй, в этой теории кое-что притянуто за уши, но со счетов ее сбрасывать не стоит. Много времени прошло с тех пор, когда ей причиняло боль смутное подозрение – нет, отчетливое знание, – что Джеральду не нравится заниматься с ней любовью, ему это противно. Да, наверное, при виде белой завесы тумана, струящейся с белого неба, Джеральд, как и она, вспоминал светлую комнату, запах тел, податливость и влажность жены, несдержанную страсть.

Джеральд взялся за книгу, работа отбирает силы, говорила себе она, иногда он засиживался до ночи. Урсула даже пыталась убедить себя, что стала рабыней собственных желаний. Дитя своего времени, секса как такового она не стыдилась, но тяготилась зависимостью. В жизни хватает дел помимо секса.

Например – научиться быть женой. Готовить, при-

нимать гостей. Ей удалось разобрать чудовищный почерк Джеральда, сделать ему сюрприз. Это его порадовало: Урсула сумела прочесть начало новой книги, хотя большинство машинисток в отчаянии отказывались перепечатывать его тексты. Потихоньку от Джеральда она вынула снизу из стопки первую главу рукописи, унесла к себе и отпечатала – пятнадцать аккуратных страниц.

Предъявляя Джеральду свой труд, она готова была наткнуться на холодное недоверие, даже на упрек. К тому времени Урсула уже не могла скрывать от себя, что вызывает у мужа неприязнь. Как, почему – этого она не понимала, не знала, в чем провинилась, но была настороже, следила за выражением его лица, начинала побаиваться. Позже она поняла: и за рукопись она взялась, чтобы угодить ему, чтобы понравиться.

Никакого неудовольствия, ни малейших признаков гнева. Джеральд пришел в восторг, радостно пролистал странички, назвал жену умницей. Она ждала: сейчас он вскочит, обнимет ее, поцелует – хотя бы из благодарности. Он взял ее руки, поднес к губам. И этим ей пришлось удовлетвориться. Даже такой ласки она не достаивалась неделями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.